

Были и небывлицы о детях и для детей

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Центральная городская библиотека
г. Нижний Тагил

Муниципальное бюджетное
учреждение культуры

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Были и небывлицы

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТЫ

участников городского открытого конкурса
литературного творчества

«Серая Шейка»,

посвященного Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ,
в номинации для взрослых

Нижний Тагил
2017

Учредитель городского конкурса
литературного творчества «Серая Шейка»

Управление культуры администрации города Нижний Тагил

Конкурс проводится при поддержке

Ю. Д. Исупова, автора идеи конкурса

Организатор конкурса:

МБУК «Центральная городская библиотека» г. Нижний Тагил

Выпуск 3

Составители: **Ю.В. Кистер, Л. Ю. Рыженкова**

Ответственный за выпуск: **Н. П. Якимова**

Были и небылицы о детях и для детей: лучшие творческие работы участников городского конкурса литературного творчества «Серая Шейка» в номинации для взрослых. Выпуск 3 / МБУК «Центр. гор. б-ка»; сост. Ю. В. Кистер, Л. Ю. Рыженкова. – Нижний Тагил, 2017. – 84 с.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Если бы я был богат, то посвятил бы себя именно детской литературе. Ведь это счастье – писать для детей», – говорил Мамин-Сибиряк. Под этими словами могут подписаться участники «взрослой» номинации конкурса «Серая Шейка». Из года в год она пользуется все большей популярностью. На этот раз работы прислали не только тагильчане и жители близлежащих территорий, но и авторы из Магнитогорска, Санкт-Петербурга, Астрахани, немецкого города Вупперталь и Луганской народной республики.

Согласятся современные авторы и с другим высказыванием писателя: «Детская книга – это весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодарную почву семян». Какие же мотивы сегодня звучат в произведениях для детей? Чему может научить книга, написанная в XXI веке? Как и сто, и двести лет назад она призывает быть добрым, смелым, любознательным, уважать родителей, ценить дружбу и верить в чудеса.

В сборнике читатель найдет совершенно разные по стилю и тематике произведения. Здесь и историко-краеведческий миф, и рассказ о жизни городского мальчишки в деревне, и сказки, и стихи. Объединяют авторов литературный талант и желание пробудить те самые силы детской души, о которых говорил Д.Н. Мамин-Сибиряк. А еще в каждом повествовании есть дух путешествий, столь свойственный творческим натурам. Им непременно стоит заразиться, чтобы совершить большое путешествие по уральским лесам, волшебным странам, встретиться с интересными персонажами и насладиться удивительными сюжетами.

Издание подойдет как для самостоятельного детского чтения, так и для семейного досуга. Оно заставит где-то задуматься, где-то удивиться и много раз – улыбнуться. Ведь герои списаны с нас самих и наших знакомых, их мысли и поступки понятны и взрослому, и ребенку. Полезным будет сборник и педагогам, которые смогут предложить учащимся стать первооткрывателями и познакомиться с современными, неизвестными широкому кругу читателей, произведениями.

В прозе

Андрей Чуднов,
победитель конкурса

ТАЙНА

(литературная догадка)

Несмотря на конец весны, день выдался необычайно жарким. Солнце палило просто беспощадно. Прошлогодня трава на южных склонах гор была им так высушена и выбелена, что казалось, попади на нее искра, и вся она займется страшным неугасимым огнем лесного пожара.

По чуть заметной тропинке среди прозрачного, с только что раскрывшимися почками леса, шли два путника. Шли они молча, лишь изредка переговариваясь. Первым шел мужчина средних лет. Легкая бесшумная походка. Дошка из тонких козых шкур, высокие лосиные сапоги-чулки, подвязанные по-вогульски к поясу. Длинное кремневое ружье, хорошо пригнанная котомка за плечами. Можно было понять, что это лесной человек. Глаза его живо и весело блестели, когда он смотрел по сторонам. Когда же он оглядывался на свою спутницу, они то почти смеялись, то делались задумчивыми. Спутницей его была девочка лет десяти. Худенькая, стройная. Одета в темно-синий сарафан, поверх которого была надета короткая душегрея. Под туго повязанным платком выделялся высокий лоб. Прямые брови, зеленые глаза, нос с небольшой горбинкой. Губы плотно сжаты – было видно, что идти за своим спутником, не отставая, ей нелегко. Но вместе с тем ее большие глаза смотрели вокруг с интересом. В пути они были уже полдня.

– Ничего, дочка, скоро отдохнем, – заговорил, не оборачиваясь, охотник. – Тут у перевала есть добрая земляночка. В ней перекусим, водицы попьем. Только нужно поспешить. Посмотри, какая тучища за нами гонится. Должно быть, не минует нас.

С запада, действительно, быстро двигалась темно-синяя туча. Вскоре она закрыла солнце. Разбежалась на полнеба. Стала почти черной. Ее край сделался белым, похожим на гребень высокой пенной волны. Приближалась буря.

Через несколько минут по вершинам деревьев пробежал быстрый порыв ветра. Следующий с сильным шумом пригнул верхушки. На землю упали крупные дождевые капли.

– Бежим, – весело вскрикнул охотник.

Девочка с округлившимися от испуга глазами, взвизгнув, пустилась вслед за ним.

Ливень стеной обрушился на путников. Спасла их землянка. Это жилище можно было угадать лишь по невысокой дощатой дверце и костровищу перед входом. Устроенная в вершине лога, укрытая сверху дерновиной с лесной травой, она была совершенно незаметна среди чащобы.

Небольшой очаг, сложенный из буроватых камней, и две лежанки, сделанные из жердей, покрытые пихтовым лапником, – вот и все устройство этой лесной обители. Но и сейчас, и в холодную зимнюю ночь эта простая постройка была надежным убежищем от непогоды. Люди скинули намокшие одежды и молча сидели, глядя через открытую дверцу на ливень.

– Дождь скоро пройдет, но идти по сырой дороге еще хуже, чем под дождем, – вся вода с деревьев наша будет. Да и намаялась ты с непривычки. Заночуем, пожалуй, здесь. А завтра хороший день будет – дальше пойдем. Дня в три и доберемся до Невьянского завода, – проговорил мужчина. – Нарезу свежего пихтарника на лежанки, этот-то, погляди, весь высох, осыпается. Выспимся с тобой как на перинке пуховой.

Девочка взяла одну веточку. На руке остались коричневые душистые хвоинки. Вообще ей нравился запах леса. Хотя ее родная Висимская слобода и располагалась в широкой долине среди бескрайних лесов, но пахло там жильем. Летом это был запах луговых трав, сена. Зимой к мо-

розной свежести примешивался запах дыма из топящихся печей. Здесь же, как говорил охотник, «в горах», пахло совсем по-другому. Дождь только усилил все лесные ароматы. И теперь уставшая маленькая путница тихо сидела, вдыхая неизвестные запахи леса. Изредка подносила к носу и нюхала зажатые в ладошке хвоинки.

– Тятя, а где же твой Кучумка? – спросила после долгого молчания девочка.

– Волки его зимой заели, Палаша, – ответил, вздохнув, охотник. – Под Крещение сильно студено было. Ночевал я в лесной избушке. Кучумку на улице привязал: он к холоду привыкший. Ночью тихо так подошла стая волчья. Залегли в соседний лесок. Лютушие, голодные. Кучумка услышал, оборвал веревку и ринулся в драку. Да где ему одному справиться, их там, серых, с дюжину было... Как рассвело, выглянул я за дверь – нет Кучумки. Встал на лыжи, пошел по следу, да не далеко. Все и увидел. Снег красный. Пса, друга моего верного, нет. Прошел дальше по волчьим следам. Им тоже досталось – два на трех лапах ухрамывали, а третий, огромный волчище, видно, их вожак, тяжело шел. Через несколько шагов кровь у него из шеи на снег, на ветки так и брызгала. К вечеру, верно, и околел...

– А к нам сюда волки не придут? – с опаской спросила девочка.

– Нет. Летом их и не увидишь. По лесам разбегаются, волчат роятся. Разве, где какую скотинку отбившуюся заедят. А к жилью и не показываются.

Посидели молча. Дождь за дверью лил плотной серой стеной. Сквозь открытую дверцу попадала пахнувшая дождем водяная пыль.

– А другую собачку возьмешь когда-нибудь? – снова заговорила девочка.

– Наверно. Без собаки охотнику плохо. Только ведь мне особенный пес нужен – чтоб сам себя прокармливал, да и мне помогал. Чтоб и белку гнал, и медведя держал, и за сохатым мог день-другой без усталости бежать. У вогульцев такого искать нужно. Я и Кучумку у твоих дядьев

брал. Сразу он мне поглянулся. Еще только мать перестал сосать, а уж вся стать охотничья была: уши острые торчат, хвост кольцом на спине лежит, стойку делает. Да баской какой – белый с пятнами черными и на лапах передних крапинки черные... Как найду подходящего щеночка – шкурку лисьих в промен не пожалею.

Опять замолчали. Дождь не переставал, но за дверью стало немного светлее.

Девочка стряхнула с рук остатки хвоинок и развязала платок. Волосы ее были аккуратно собраны и заплетены в две косички, и поэтому, когда она сняла туго повязанный платок, ее чуть оттопыренные ушки распрямились и стали похожи на крылышки бабочки. Мужчина посмотрел на нее и улыбнулся.

– Танюша так тебя и звала по-вогульски – Мань-Лапанты – Мотылек.

Девочка чуть смущенно пожала плечами и потрогала свои уши.

Охотник тем временем достал из котомки медный котелок.

– Дождь пройдет, сходим на родничок за водой, брусничного листа запарим, а пока хлеба поешь.

Он развернул обернутый тряпицей каравай. Отрезал от него ломоть. Посыпал солью из берестяной коробочки и подал девочке. Она взяла.

– И ты, тятя, поешь, – сказала дочь.

– Не хочу пока. С утра наелся. Встал пораньше и ел, ел, пока ты сны досматривала, – ответил, улыбаясь, мужчина.

Девочка начала есть с аппетитом.

– Я через волков и с Танюшей моей повстречался.

– Как это, тятя? – удивилась девочка.

– Лет уж пятнадцать прошло, а помнится все, как вчера было. Место-то это под водой теперь. Пруд огромный разлился на Черном Истоке. Я тогда только недавно охотничьим промыслом занялся. Ни леса, ни зверя до тонкости не знал. Случилось как-то в конце зимы, под вечер, возвращаться с охоты. На лыжах шел. Скатился с горы на открытое место. Передо мной впереди другой пригорок. Подниматься вверх нужно, да

вдруг на той горке, куда мне идти, волк завыл, а сзади, с моего следа, ему другой отвечает. Остановился. Думаю, что делать. Пока стоял, гляжу: на моей лыжне среди деревьев замелькало что-то. Я и сообразить не успел – из леса на ялань человек на лыжах выкатывается. Идет ловко, одет не по-нашему – видно, вогулянин. Ближе подошел. Шапки на голове нет, две косы черные. Думаю: да ведь это девка. Поравнялась со мной. Годами-то со мной ровня. Кожа темная, как у нас в летнюю пору бывает. Глаза, вот как у тебя – зеленые, смешинка в них. Заговорила смело: «Что, охотник, волки одолели?». Я удивился, но вида не показываю. «Ничего подобного», – отвечаю. А она как по-волчьи завоет. От неожиданности я в сторону отпрянул и в снег провалился. Она смеется. И я сижу в снегу, тоже смеюсь. На пригорке опять волк завыл.

– Там, наверно, дядька твой? – спрашиваю.

– Может и дядька, да только не человек, – отвечает со смехом и руку мне протягивает. И как-то ловко, да легко. Другому кому не подал бы руки, а к ней так и потянулся. Помогла мне из сугроба выбраться.

Снова заговорила. Говорит по-русски, как-то особенно, как будто голубь лесной – вяхирь – воркует. Расспросила кто я, да откуда. Про себя рассказала. Зовут ее Татьяна, из вогулов крещеных. Деревня их на реке Вые, а сюда на охоту зашли. Брат ее неподалеку в избушке лесной ждет. Она давно по моему следу идет. Поняла, что русский я – лыжи мехом не подбиты. Что охотник никудышный – по следу лосиному вчерашнему большую петлю сделал. Потому как я через чащобу лез, поняла, что молодой, да горячий: человек солидный обошел бы стороной.

– Ты, охотник, волка этого не бойся. Это молодой волчок – подругу себе ищет. Уйдет он с твоей дороги. А по тропам звериным с опаской ходи, ветки наклоненные зря не шевели: мы самострелы на сохатых настораживаем. Смотри, не нарвись на стрелу.

Потолковали так, да и разошлись в разные стороны.

Вечером спать ложиться нужно, а у меня из головы эта вогулянка не выходит.

Через несколько дней с маманькой, царство ей небесное, заговорил: «Сосватай мне, маманька, вогулянку».

Она осердилась на меня: «У нас деушек полно. У Корякиных вон двое дочерей. У Беловых Аннушка – хорошая какая. Отца-мать и дедушек-бабушек, всех знаю, – добрая семья. А он к дикарке свататься собрался. Ты, Сергей, по лесам ходишь – скоро и сам одичаешь».

Ну, я с ней более про то разговора не заводил. Сам же все о Татьяне думаю, соображаю, как бы снова ее повидать. У того места, где встретились все горы и ложки исходил. Никого не нашел. Видно ушли в другое место зверя промышлять. Только весной, когда уж снег сошел, снова увидел ее.

Специально ведь пошел на реку Выю. У маманьки отпросился, обманул ее маленько – заделье нашел, сказал, что в заводе Тагильском мясо продам. Неподалеку от Тагильского завода – Выйский, еще Никитой Демидовичем выстроен. А рядом с ним деревня вогульская была. Там и решил ее искать. Сейчас уж этой деревни нету. Вогуличи, кто в заводах живет, а кто в леса ушел. Отыскал я Татьяну, замуж позвал. Согласилась она. Обвенчались, правда, только через три года. Тайком от маманьки – она мне благословенья не дала...

Девочка давно доела хлеб и тихонько сидела, внимательно слушая отца. Она боялась перебить его. Ей хотелось побольше узнать о своей маме, которую она почти не помнила. Было немного горько от того, что ее добрая бабушка Тина, с которой она прожила всю свою жизнь, конечно, ту ее часть, которую могла вспомнить, когда-то сердилась на отца, ссорилась с ним и называла маму дикаркой. Правда это прозвище – дикарка – доставалось, иногда, от бабушки и самой Пелагее, когда та не могла успокоить расшалившуюся внучку. Но это было за дело, и девочка это понимала душой, а обругать человека, даже не зная его, казалось несправедливым.

– Ты ведь потом помирился с бабушкой? – спросила Пелагея.

– Да мы и не ссорились, просто размолвка какая-то получилась. Она привыкла жить по-старому. Строга была насчет веры и обычаев: чтоб

женились да замуж выходили только за своих. Я и сам старой веры держусь – тремя перстами не перекрещусь, «аллилуйя» трижды не скажу, но на людей смотрю, не как они крестятся и поклоны кладут, а какой человек есть. А если полюбишь кого, тогда и вовсе много не замечаешь... Маманька, царство ей небесное, строга-строга, да по раздумью мягче-ла, отходчива была. Когда узнала, что Танюша утопла, незамедлительно велела тебя к себе вести. Ты еще невеличка была, я тебя почитаю всю дорогу от Выи до Висима в коробе заплечном нес.

– А как мамонька утопла? – почти шепотом проговорила девочка, в горле у нее стоял комок.

– Осенью поздней, – тяжело вздохнув, начал охотник, – пошли бабы, девки, ребятишки вогульские за реку Тагил, на болото за клюквой. Лед еще не крепкий был, да за день подмыло его на быстрине. Когда возвращались назад, мальчонка один малой с тропы отбежал и провалился в воду. Все заголосили, заохали. Мать его беременная за живот схватилась – ничего сделать не может. Одна Татьяна, как ящерка распласталась по льду, да потихоньку подобралась к нему. Выволокла его из полыньи, вытолкнула подальше на матерый лед. Но лед неверный проломился под ней, а течением в глубину утянуло. Так и утопла... Вогуличи потом всей деревней собрались, хоть и крещеные, а своим богам молились: мясо в огонь бросали, в реку серебро отпускали, на скалах красные знаки рисовали. Просили, чтоб вернула ее река...

Где-то за горой был слышен ослабевающий шум уходящей на восток бури...

– Тятя, Фимка с Никиткой меня вогулкой дразнили. А я ведь русская, правда? Петруша заступался за меня. Однажды даже с ними подрался: Никитку на лопатки положил – они и перестали. Теперь ходят, издали кулаки мне показывают... Петруша хороший. Посмотри, какого он мне человечка из деревяшки смастерил.

Она порылась в берестяной корзинке и достала завернутого в разноцветные тряпочки человечка. Подала его отцу.

– Это у тебя солдат что-ли, в красном мундире? – спросил охотник, возвращая его дочери.

– Что ты, тятя, это девочка в сарафане, – отвечала Пелагея. – Солдатов я боюсь. Бабушка рассказывала, как от солдатов в лес убегали, а кто не успел – тех в острог посадили.

Она поправила на кукле тряпочки-одежки и посадила ее к себе на колени.

– Про солдат правда. Было такое дело, да и не раз. В Екатеринбурге, как новое начальство объявляется, так всех, кто старой веры держится, да кто от хозяев злых в горы ушел, ловить начинает. Сильно народу-то вредят. А ты разве не помнишь, последний раз лет пять тому назад зимой из Висима все в леса убегали? И маманька, царство ей небесное, с тобой. Акинфий Никитич, когда в заводах бывает, упреждает эти походы солдатские, помогает, как может...

Девочка не слушала отца. Она думала о своем и отвечала не на его слова, а продолжала свои мысли вслух.

– Петруша-то ко мне собрался прийти в Невьянский завод как вырастет. Сказал, что обязательно найдет меня.

– Это который Петруша, из Кузнецовых? Ивана Кузнецова сын? – поддержал ее охотник. – Тогда знаю, про кого говоришь, видно в отца пошел – слово свое обязательно сдержит. Жди гостя. А может жениха? – лукаво прищулив глаза, спросил отец.

– Ну чего ты, тятя, – засмущалась дочь.

– А чего, ты вон выросла как незаметно. Я по лесам брожу, а ты растешь. Не увижу, как невестой станешь.

Охотник выглянул за дверь.

– Закончился дождь – проясняется. Подождем немного, пусть с веток вода спадет, да и пойдем на ручей. А может, здесь посидишь, подождешь меня?

– Нет, тятя, я с тобой, – ответила девочка.

Дождь за короткое время вылил столько воды, что она заполнила все ямки и ложбинки. На месте костровища, у входа в землянку, сделалась

лужа. По сухим еще несколько минут назад ложкам побежали ручьи. Горные речки даже здесь, на перевале, в самом начале своего пути, вышли из берегов и, захватив лесной мусор, песок и мелкие камешки, понесли их вниз. Вода делала свою вековую работу. Но попав в горные долины, перегороженные, даже по людским меркам «только вчера», плотинами, она принималась за новую для себя работу – вращать колеса водяных мельниц, поворачивать механизмы молотов и доменных мехов в заводах.

Непогода задержала путников на перевале, который делил водные потоки. Одни реки стекали с него на юг и запад и попадали в Чусовую – Каму – Волгу. Другие, убегая на восток и север, впадали в реку Тагил, и дальше, в сибирские: Иртыш и Обь.

Ни отец, ни дочь никогда не бывали в тех далеких краях. Охотник промыслил зверя на Камне – так раньше называли Уральские горы, а девочка знала лишь ближайшие окрестности Висима. Сейчас они шли в Невьянский завод, где жила с семьей младшая сестра Сергея – Наталья. Его мать, Харитина Федоровна Килякова, известная и уважаемая за свой характер и твердость веры среди старообрядцев-раскольников далеко от Висима, скончалась, оставив Пелагею снова сиротой.

Немного подождав, мужчина с девочкой вышли из землянки и отправились к родничку. Он был совсем рядом. Это была ямка на дне лога, обычно заполненная прохладной чистой водой. Но сейчас, после проливного дождя, это был бурный поток, несущий мутноватую воду. Охотник наполнил котелок, на дне был мелкий песок. Выплеснув воду, решили набрать ее чуть позже, когда муть осядет.

Пелагея принялась ходить вдоль ручья, разглядывая влажные поблескивавшие камешки – бурые, темно-зеленые обломки окрестных гор. Изредка среди них попадались любопытные: то с зелеными и белыми полосками, то с черными крапинками. Один камешек был похож на грибок: коричневая шляпка на беловатой ножке, ну точь-в-точь небольшой боровичок. Девочка подняла его и стала с еще большим вниманием смотреть под ноги.

– Тятя, а как этот ручей называется? – спросила девочка.

– Не знаю. Русского названия нет, а какое иное может и есть, да я не ведаю. Вот куда впадает знаю: в речку Висим. Та – в Утку, как раз у слободы. Дальше Чусовая – большая река.

После бури какое-то время было затишье, а сейчас с юга подул слабый ветерок. Он уносил поднимавшиеся от земли небольшие лохматые облака испарений. В верхнем синеватом слое облака двигались быстрее. Среди них появились просветы, стало выглядывать солнце. Один из лучей проник сквозь сеть прозрачного леса к ручью. Осветил до дна всю толщу рыжевато-го потока прямо возле ног Пелагеи. Под водой слабо заблестел небольшой беловатый камешек. Девочка подняла его и почувствовала на руке необычную тяжесть. Она сжала холодный камешек в ладони. Задумалась о чем-то.

– Тайна, – тихонько в задумчивости проговорила она. И громко крикнула: – Тятя, погляди-ка, что я нашла...

* * *

– Акинфий Никитич, вас с утра дожидается охотник этот – Сергунка Чудной Сапог, – мимоходом сказал служащий в доме – светловолосый, с плутоватыми глазами, парень Андрюшка – сидевшему за столом, заваленным бумагами, хозяину.

– Так что же ты мне не докладываешь? – подняв взгляд от листа с чертежом, спросил основатель и владелец десятка уральских и алтайских горных заводов статский советник Акинфий Никитич Демидов. Знаю, не любишь ты Сергея Тимофеевича. Вот и прозвище придумал – Чудной Сапог.

– Не я придумал-то. Все его так зовут. Надел сапоги вогульские и ходит в них, как нехристь. Правда, не люблю я таких. В заводе не может, видите ли, работать. Ремесла никакого не знает. По лесам только и поплутяжничает. Одним словом – разбойник.

– Утомонись-ка, Андрюшка. Да зови мне Сергея-то. Человек этот самый надежный, не раз делом доказал.

Через несколько минут в комнату, служившую Демидову рабочим кабинетом, вошел охотник. Одет и собран он был так же, как и в лесу. Не было с ним только его ружья.

– Проходи, проходи, Сергей Тимофеевич. Давно тебя не видал. Как живется? Что-то без ружья? Нето потерял?

– Нет, Акинфий Никитич, не потерял. Целое ружье. У сестры оставил. Как вы одарили меня, так с ним уж сколь годов и хожу. Никогда не подводит – бьет точно. Вогуличи говорят, что за четыре горы слышат выстрел. Ну, это они, конечно, по-своему судят; но без добычи не хожу. Благодарствуйте за карабин.

– Давай хвастай. Принес чего особенного? Заказ мой исполнил?

– Есть маненько. Вот собольков с полдюжины за зиму добыл, да лисичек особливых черно-бурых с десятков.

Говоря, охотник снял заплечную котомку, развязал ее и начал доставать из холщового мешка драгоценные шкурки. Сначала соболиные. Он вынимал их по очереди, расправлял и встряхивал. От этого не имевшие вида с прижатым мехом шкуры как будто наполнялись воздухом. Ворсинки на них поднимались, и они начинали мягко светиться темным, почти черным с серебром светом.

– Красота!.. А как их в столице-то любят! Мне такое добро без надобности, но собираюсь в Саксонию съездить, без таких подарков волокита с бумагами долго тянется. А так, глядишь, быстро дело выправим. И где ты только их добываешь? Говорят, перевелся соболь на Камне, в Сибирь ушел.

– И то верно. Мало теперь стало. Еле-еле этих добыл, заказ ваш выполнил. На будущий год не знаю, будет ли удача?

Так рассуждая, охотник вытащил все шкурки и разложил их на полу перед ногами Демидова.

– Полно жаловаться-то, хватит на твой век зверья, – оглядывая меховое сияние, сказал всемогущий хозяин. Распоряжусь, заплатят тебе за

шкурки. – Хорошо, что увидел тебя до отъезда, – явно что-то обдумывая, проговорил он. Немного понизив голос продолжал:

– Да, говорю, собрался я в Саксонию, на рудники и заводы тамошние поглядеть. Может, мастеров каких нанять. Здесь, в заводах, управлять надежные люди остаются. Но прошу тебя, Сергей Тимофеевич, на всякий случай, смотри, кто в горах ходит. Если что, знаю, ноги у тебя быстрые, упреди, кого следует. Выручал ты скитников да слобожан, и впредь на тебя надеюсь, – совсем тихо договорил Демидов.

Охотник в ответ молча кивнул головой.

– Как матушка-то твоя, Харитина Федоровна, жива-здорова? – продолжил разговор Акинфий Никитич.

– Померла маманька.

Демидов с удивлением взглянул на охотника. Он был явно поражен.

– Царство небесное, – с чувством перекрестившись, проговорил он.

– А что случилось? Когда?

– Занемогла что-то. Прележала больной недели полторы, да на Светлой седмице и преставилась.

– Да, все под Богом ходим. Не знаем, когда жизни конец... Не встречался я с Харитиной Федоровной, но много про нее доброго слышал. Царство небесное, – повторил Демидов. – У тебя ведь, вроде, дочь есть? С бабушкой, кажется, в Висиме жила. Она где?

– Здесь, в заводе. Привел я ее к сестре своей Наталье, что замужем за Ильей Толункиным, кузнечным мастером. Здесь и оставлю жить. Не с собой же ее по лесам таскать.

– У Ильи-то своих ребят трое. Как приняли еще одну?

– Как же, хорошо приняли, – обрадовались. Свои же – родные. Дети Натальины-то на Пелагее повисли, радуются. Они помладше ее будут, она за старшую получается. Она у меня самостоятельная, да хозяйственная – маманька, царство небесное, приучила. Проживут. Теперь и я почаще в Невьянске появляться буду.

– Может, какая помощь нужна, говори.

– Нет, благодарствуйте, все в порядке.

– Ладно... Расскажи, что в горах делается?

– Что в горах? Вроде, все по-прежнему. Весна вот проходит. Теплынь нынче, но сушь в лесу. На Шайтанке-реке в устье Мартьяна леса много выгорело... А с другой стороны меняется год от года: заводы строятся, пруды разливаются, лес рубят. Зверя меньше становится.

– Займись чем другим. Ты ведь сыскавал как-то руду железную. Правда, рудничок не велик получился и порода больно крепка. Не по зубам нам оказалась. Может в потомственные времена сыны-внуки смогут добыть ее. А ты ищи, авось, что подходящее да богатое найдешь: медную али серебряную руду.

– Без пробы да копанья не сыщешь земного богатства, а я к этому делу не привыкший. Ежели бы смолоду этим делом занимался, как Ваша светлость, тогда был бы толк. Теперь уж поздно ремесло менять. Да и рудничок тот – не моя находка. Вогуличи рассказали, а я вам передал. Разве что под ноги само попадет – не пройду мимо. Вот, третьего дня, диковинка какая-то попалась. Показать вам хочу. Что – не понимаю.

С этими словами охотник из привязанного к поясу мешочка для дробы достал небольшой сверток. Аккуратно развернул его и протянул Демидову ладонь, на которой лежал комковатый, размером с греческий орех, тускло блестящий стального цвета камешек.

Демидов бросил на комочек быстрый, почти не заметный, ястребинный взгляд. Взял его двумя пальцами. Брови его мимолетно приподнялись. Он был явно удивлен, но почти никак не показал своего изумления. Крепко держа камешек большим и указательным пальцами, Акинфий Никитич внимательно рассматривал его. Затем обратился к Сергею:

– Расскажи подробно, где нашел? Что думаешь?

– Опять не моя находка. Пелагея, дочь моя, в ручье углядела. Шли мы из Висимской слободы не обычной дорогой, а вверх по реке Висиму, через перевал в верховья Мартьяна – гарь на Шайтанке обходили. Там на

самом перевале у ключика в ручье и нашла его. Я сначала думал, свинец или олово какое, ножом попробовал резать – следа не остается. Только ржавый налет из ямок-щербинок счищается, под ним металл блестит, а камушку ничего не делается. Бросил его в ковшичек для пулелейки, нагрел на огне. Долго грел – ковшик красным стал светиться, а камню опять никакой перемены. Да тяжелый какой-то, на руке чувствуется.

– Да, тяжелый. С фунт, пожалуй, будет, – задумчиво проговорил Демидов. – Отдашь его мне?

– Отчего не отдать? Возьмите, пожалуйста.

– Ты, Сергей Тимофеевич, про камушек этот, до поры, не говори никому. И дочери накажи. Заплачу за него по цене серебра и еще прибавлю, на будущую удачу... Пока не могу я понять, что это. Пробу нужно обстоятельную сделать.

– Еще что-нибудь расскажешь? – после короткой паузы спросил Демидов.

– Да нет, вроде, нечего больше.

– Ну, тогда не буду тебя задерживать. Не забывай к нам дорогу. Найдешь чего интересного, или камушки такие же – сразу ко мне. Если в отлучке буду, камешки никому не отдавай, жди меня. Теперь ступай с Богом – расчет получишь.

– Андрюшка! – позвал Акинфий Никитич слугу. – Найди мне Ивана. Пусть придет с казной. Заплатить нужно Сергею Тимофеевичу. Да сбегай потом до лабораториума, приведи мастера Филиппа-саксонца.

Андрюшка, высунув в чуть приоткрытую дверь свое хитрое лицо, выслушал хозяина. Бросил недружелюбный взгляд на охотника и исчез.

– Вот же ехидное семя, – сказал вполголоса Демидов.

– Ступай, Сергей Тимофеевич, – обратился он к охотнику.

Когда Сергей ушел, Акинфий Никитич сел за стол. Убрал бумаги в сторону. На чистом месте, посередине стола, положил камень и долго пристально смотрел на него. Иногда брал его в руки, подносил ближе к глазам, качал, взвешивая на ладони, и снова клал на стол. Брови его

сдвинулись к переносице. Что-то непонятное, непостижимое было в этом небольшом металлическом комочке.

– Тайна, неведомая тайна, – негромко несколько раз повторил знаток минералов и руд Акинфий Никитич Демидов.

Через полмесяца, на пути в Петербург, Демидова догнало письмо, вернее сказать, короткая записка с непонятными знаками. Отправив слугу из комнаты, Акинфий Никитич достал из потайного кармана на груди маленькую записную книжку. В ней такие же знаки соседствовали с обычными буквами. Это был ключ к тайнописи. Сев за стол и разложив перед собой письмо, книжку с ключом и лист чистой бумаги, он начал работать: заменять тайные знаки явными. Вскоре перед ним лежала записка, содержание которой адресовалось исключительно ему. С листа, исписанного крупными, как будто летящими, буквами его собственного почерка Акинфий Никитич прочитал: «Испытал на капеле – не серебро. В расплавленном свинце грел три времени в сильном жару. Свинец выгорел. Потеря есть, но весьма мала. От молота распался на три части. Нутро ровное металлическое. Жду дальнейших распоряжений. Июня 2 дня 1740 года. О. Сосновый. С.М.».

Демидов довольно долго сидел в задумчивости, время от времени перечитывая записку. Потом тихонько, себе под нос, проговорил:

– Что же ты нашла, Пелагея Сергеевна? Что же ты нам доставил, Сергей Тимофеевич?

Затем, заглядывая в книжку с тайнописью, написал ответ: «Пробу больше не делай. Камушек побереги. Июня 14 дня 1740 года. С.С.А.Д.».

* * *

Дзинь – прозвенел звонок в дверь. Дзиинь – повторился более долгий звонок. Дзинь, дзинь, дзинь – прозвучали три коротких звонка.

Молодой человек, сидевший за столом, заваленным бумагами, оторвался от работы, отложил карандаш в сторону и отправился к входной

двери. Открыв ее, он увидел на пороге невысокого мальчика лет двенадцати с копной темных волнистых волос на голове.

– А, Василий, заходи, – пригласил он его.

– Здравствуй, Илья, – ответил мальчик, входя в квартиру.

– Я тебя попозже ждал. Сиж, бумаги перебираю. Проходи ко мне в комнату. Будешь завтракать со мной?

Разговаривая, молодой человек пошел на кухню, а мальчик в комнату. Илья был его двоюродный брат, хотя разница в возрасте у них была большой. Василий через несколько дней должен был пойти в шестой класс, а Илья уже закончил институт. Василий не часто бывал у Ильи. Но в этом году его родители уехали в отпуск, и он жил весь август у бабушки и иногда ходил к Илье.

Войдя в комнату, Василий увидел, что весь стол Ильи завален бумагами, а посередине него лежит исписанный листок. Мальчик заглянул в него. Большинство слов были непонятны. Видимо, это были имена и названия, потому что написаны они были с заглавных букв.

– Антонио де Уллоа, Паскуаль де Андагойя, Картахена, Ямайка, Англия, Чарльз Вуд, Уильям Браунригг, Озерный край, – прочитал он.

От этих слов и названий какое-то непонятное чувство возникло в душе мальчика, будто на дворе конец мая и кто-то позвал его в увлекательное путешествие. Особенно понравилось ему «Паскуаль де Андагойя» и он тихонько повторил эти слова несколько раз.

Здесь же лежало несколько тоненьких стопок. Видимо, это были статьи из журналов, на английском языке. Василий учил английский в школе, но такие большие тексты были ему не по силам. Из всего напечатанного он знал только некоторые слова.

– New – новый, – перевел мальчик. – Century – столетие, – прочитал он. – South America – Южная Америка, – и еще немного слов было понятно. Кроме текста были здесь и картинки. На одной, это была старинная карта, Василий узнал очертания той самой Южной Америки. «Интересно, о чем здесь написано?» – подумал он.

– Вася, иди на кухню, – позвал старший брат. – Давай поедим. Садись за стол, – сказал он вошедшему брату.

– Не хочу я есть, бабушка накормила.

– Ну, хоть чаю попей. Вот брусники поешь. Я вчера в Уральце насобиравал. Ездил в лес, хотел найти старую плотинку на одном ручье, но неудачно – карту с собой не взял, запутался в ложках. Зато в лесу брусники много, ну я и набрал ведро двухлитровое... Бабушке потом отнесешь. Ладно? Я уже отсыпал для нее. Она теперь в лес не ходит. Раньше, когда я маленький был, все время меня с собой за грибами, за ягодами брала... Не забудь – унеси ягоды!

– Хорошо... А что там в Уральце за плотина? Там что, пруд есть?

– Есть, конечно. И побольше пруды, в самом поселке, и маленькие прудки. Там ведь платину добывали и сейчас еще добывают. Ее там моют – вот и делают запруды, чтоб воду брать. Я, видишь ли, заинтересовался платиной.

Вася сел за стол. Он попробовал несколько кисловатых с горчинкой ягод брусники, но Илья ел так аппетитно, что младший брат решил присоединиться: налил себе чаю, сделал бутерброд.

Тем временем Илья продолжал с увлечением рассказывать:

– Я несколько лет назад прочитал статью про остров Сосновый. На Черноисточинском пруду есть такой остров. Будто на нем Демидовы чеканили фальшивую серебряную монету. И не просто монету, а голландские или немецкие талеры. Про фальшивую серебряную монету и тайную добычу серебра у Демидовых с давних пор ходят легенды. А тут это все, еще и с приукрасами, перенесли на Сосновый. Я сначала подумал – бред полнейший. А потом начал думать, рассуждать. Вдруг тайна и действительно существует – про Демидовых и серебро. Только серебро это не совсем серебро, а «серебришко», то есть платина. И получается, что какая-то тайна, связанная с островом Сосновым, была, только была она и для самого Демидова. Что если во времена Акинфия Демидова кто-то случайно нашел платину? У нас на Урале, в отличие от Америки, ее часто

находили в крупных кусках – самородках. Приняли ее за серебро, ведь они внешне похожи. Начали ее обрабатывать как серебро, но ничего не получилось – платина очень трудно плавится, и твердая. А слух уже пошел и стал через какое-то время легендой.

Младший брат ел и внимательно слушал.

– Несколько лет назад какие-то исследователи проводили поисковые работы на острове, – продолжал Илья. – Но что нашли, неизвестно. Говорят, что обнаружили следы металлургического производства и монету 1741 года. Самое интересное, что платина в Европу была привезена в этом же самом 1741 году. Представляешь? Такое совпадение... Один англичанин по имени Чарльз Вуд привез немного платины из Америки, а точнее с острова Ямайка. Он был металлург. Занимался железом, серебром, золотом. А на Ямайке служил пробирным мастером – делал пробы драгоценных металлов. Ну и привез оттуда этот неизвестный металл с испанским названием «платина ди Пинто», то есть «маленькое серебро с реки Пинто». Сам он, видимо, почти никаких исследований не проводил. Вернее сказать, он, начал исследовать его как серебро или какой-то другой, известный ему, металл, но потерпев неудачу и поняв, что это что-то другое, прекратил эксперименты и отдал его своему родственнику, местному доктору Уильяму Браунриггу. Этот доктор очень увлекался химией. Это было его хобби. Вообще, я когда прочитал про него, сразу вспомнил доктора Мортимера из «Собаки Баскервиллей» Конан-Дойля. Читал?

– «Собаку Баскервиллей»? Нет, только фильм смотрел.

– Что ты?.. Почитай обязательно! Интересно... Ну, если смотрел фильм, помнишь, что у доктора Мортимера тоже было хобби: он занимался раскопками древних курганов. Видимо, все доктора в Англии имеют хобби, – сказал с серьезным видом Илья, но Вася чуть не подавился чаем от смеха. Илья похлопал его по спине, и когда Вася перестал заикаться, продолжил рассказ:

– А жил этот доктор Браунригг тоже в «литературном» местечке – Уайтхэйвен – Белая Гавань в Озерном крае. Белая Гавань – это место,

из которого эльфы уплывали на запад из Средиземья в толкиновском «Властелине колец». А в Озерном крае, уже в настоящем, а не книжном, жила английская писательница Беатрикс Поттер.

– Это которая про Гарри Поттера написала?

– Нет. Про Гарри Поттера писала Джоан Роулинг. А эта писала сказки про мышат, кроликов, ежей и делала к ним чудесные рисунки. Они, конечно, детские, эти сказочки, но считаются сейчас классикой английской литературы... Что-то мы с платины на литературу перепрыгнули, – добавил Илья.

– А-а, вот это все у тебя на листочке написано, – догадался младший брат.

– Ну да. Для памяти записываю.

– А кто такой Паскуаль де Андагойя? Тоже писатель?

– Нет. Это конкистадор – завоеватель американских земель. Про него я очень мало знаю. Кажется, он первый из европейцев попал в те края, где позднее стали находить платину... Да. А в Англии, доктор Браунригг, только лет через девять после того как платину привезли из Америки, лишь предположил, что это новый неизвестный до той поры металл и отправил его с описанием своих опытов приятелю в Лондон. Оттуда цепочка потянулась в Швецию, Германию, Францию. Металл исследовали лучшие химики того времени. Но только в 1752 году один шведский ученый установил, что это, точно, новый металл, и оставил ему испанское название «платина» – «серебрецо» или «серебришко». Ты представляешь, как долго и сложно было сделать это открытие?! Даже в Европе! Что уж говорить про наши уральские края? Русские пришли сюда только лет сто назад. Руды стали основательно искать со времен Петра Первого, то есть лет двадцать-тридцать. Неудивительно, что попадись в то время в руки рудознатцев платина, они бы не смогли понять, что это. А они говорят: «Голландские талеры»! Где логика? Вот послушай, Вася. Представь: ты живешь с бабушкой. Утром просыпаешься, идешь на кухню. Там на столе стоит тарелка горячей каши. Кто ее сварил?

– Конечно, бабушка.

– А вдруг кто-то другой? Может, соседка какая-нибудь, может голландцы приезжали.

– Может, конечно, – ответил просмеявшись Вася. – Но ведь дома бабушка, значит, она и сварила.

– Ну, правильно! Есть такое понятие в философии – «лезвие Оккама». Видал, какой я умный? – проговорил с важным видом Илья. – Очень мне это словечко нравится: «лезвие Оккама»... В нем говорится, что наиболее простое объяснение какого-то факта и будет логически более правильным. Этим «лезвием» отрезают всякие домыслы. Теперь возьмем наш случай с островом Сосновый. Существует некая тайна. Вариант номер один. На острове существует мастерская, в которой плавят серебро, которого, заметь, на Урале практически нет, только очень редкие маленькие месторождения. Чеканят монету, которую, опять же, никто никогда не видел. И эта сомнительно существующая монета из сомнительно существующего серебра приносит Демидовым огромные барыши и делает их самыми богатыми заводчиками. Вариант номер два. На острове существует мастерская, в которой пытаются плавить «серебро», то есть платину, которой в пяти километрах отсюда лежат тонны. Пусть месторождения начали разрабатывать лишь в девятнадцатом веке, но случайные находки могли быть и раньше. Попытки расплавить металл ничего не дают, но оставляют по себе множество вопросов у всех участников. Какой вариант разгадки тайны ты выберешь, используя «лезвие» монаха Оккама?

– Конечно второй! Про платину, – ответил Вася.

– Вот и я так думаю. Хотя это тоже всего-навсего гипотеза, – задумчиво проговорил старший брат. Для подтверждения ее нужно искать старые документы. В общем, нужно этим серьезно заниматься, а не как я, «галопом по Европам».

От этого разговора, а может от горячего чая, мальчик даже немного вспотел. Его зеленые глаза почти не мигая смотрели на Илью. Рот был

чуть приоткрыт. Лишь изредка он сдвигал со лба на затылок свои густые волнистые волосы. Тогда из-под шевелюры показывались чуть оттопыренные, похожие на крылышки бабочки, уши.

– А ты знаешь Василий, что свет от Солнца идет до Земли восемь минут двадцать секунд? – спросил после небольшой паузы Илья.

Мальчик в ответ помотал головой.

– А от Полярной Звезды вообще четыреста лет... Представляешь, вылетел этот лучик от звезды, когда на Урал Ермак Тимофеевич пришел... Чего только здесь не произошло за это время, а мы с тобой выйдем звездной ночью и увидим его – этот четырехсотлетний свет. Даже путь верный сможем найти, если понадобится...

– Илюша, расскажи еще что-нибудь интересное, – после долгого-долгого молчания попросил мальчик. – И потом, когда-нибудь, возьми меня с собой в лес.

*Ирина Матлыгина,
специальный диплом конкурса*

АНДРЕЙКИНО ЛЕТО

Еще ни разу, за свои солидные шесть лет с хвостиком, Андрейке не случалось гостить в деревне. В Крыму он был позапрошлым летом. В городе с красивым названием Алушта. Поза-поза-прошлой зимой родители возили его за границу в Таиланд. И даже на далеком озере Байкал Андрейке тоже удалось побывать – туда папа в командировку ездил. И Андрейка с ним. Потому что как же папа там один будет, в этой командировке? Скучно ведь! И всюду Андрейка удивлялся – сколько в мире интересного! О-го-го, как много!

А тут – деревня! Ну, скажите, что там может быть необычного? Червяки в огороде? Куры во дворе? Одним словом – скучота!

– Ты что, внучек, такой насупленный? – встретила его бабушка. – Гляди, как у нас хорошо. Воздух, солнышко, молочко парное.

– А пляж у вас есть? – Андрейка obeжал глазами улицу, на которой стоял бабушкин дом. – Так и знал, что скучать придется.

Папа поставил на травку Андрейкин чемодан и улыбнулся:

– Ничего, сынок. Здесь такая красота – никаких пляжей не надо. – Вот приеду через пару недель за тобой, сам уезжать не захочешь!

Андрейка сердито молчал. Надо же! Целых две недели! Долго!

– Между прочим, – папа заговорщицки наклонился к уху сына, – здесь есть одно секретное место, где очень сказочные личности живут.

– Сказочные? – Андрейка даже рот раскрыл от удивления, забыв о своем решении упрямо скучать, не взирая ни на какие деревенские радости.

– Сказочные! – Кивнул головой папа. – Но показываются они не всякому. А только тому, кого захотят в свою сказку привести.

– А тебе показывались? – глаза Андрейки заблестели зелеными искорками. Такие искорки появлялись каждый раз, когда его распирало самое-самое удивительное удивление.

– Показывались, – папа распрямился и посмотрел поверх забора. – Много раз показывались. Я бы и сейчас туда не прочь заглянуть, да только сам понимаешь, дела.

– А где они, эти личности? – Андрейкино любопытство уже выросло до размеров двухмесячного игривого котенка, и нетерпеливо царапало лапкой где-то внутри.

– Так это же секрет! – удивился папа.

– От меня? – Андрейка, для которого папа был самым лучшим другом на свете, даже задохнулся от обиды.

– Не от тебя. Понимаешь, я слово дал, что никому не стану рассказывать. А слово надо держать. Верно, сын?

– Верно, – хмуро мотнул светлым чубом Андрейка.

– Да ты не расстраивайся, если во все глаза смотреть будешь, то эти сказочные ребята сами тебе покажутся.

Утро следующего дня разбудило Андрейку озорным солнечным зайчиком, который перепрыгнул со лба на глаз, с глаза на щеку, а потом игриво заглянул в его курносый нос и пощекотал там теплым лучиком.

– Ааапчхи! – проснулся Андрейка. Да так громко это у него вышло, что бабушкина кошка Маська даже мявкнула от испуга.

– С добрым утром, внучек, – бабушка ласково погладила его по голове. – Проснулся? Вот и ладно. Сейчас молочка с плюшками поешь, и беги во двор, на солнышко.

– А папа где? – поискал глазами Андрейка.

– Так чуть свет уехал. Ты же знаешь, ему в командировку в какую-то Корею надо.

– Мог бы и меня взять. А то заблудится там один, в этой Корейке.

– Не заблудится. Он с собой какую-то штуку взял, – бабушка наморщила лоб, стараясь вспомнить мудреное слово. – Никудатор, что ли?

– Навигатор! – залился от смеха Андрейка. – Это, бабушка, такой маленький компьютер, который дорогу подсказывает.

– Как клубок из сказки? – удивилась бабушка.

– Лучше! – авторитетно кивнул головой внук.

– Вот и ладно, – успокоилась бабушка и налила Андрейке густого белого молока, от которого напахнуло чем-то теплым, духмяным, родным.

Любопытство, свернувшееся задремавшим котенком, сладко потянулось, и несмело скребнуло колючей лапкой – забыл? Андрейка, наблюдавший за красовавшимся перед курами петухом, даже не понял сначала, в чем дело. Но любопытный озорник, что сидел внутри, настойчиво толкал его прочь со двора – мол, здесь сказки не найдешь. Надо смотреть шире, дальше, за пределы бабушкиного забора. Оглядев глазами, полными зеленых искорок, территорию, Андрейка увидел маленькую калиточку, через которую заманчиво махали листочками

какие-то кусты – иди к нам, сюда, сюда. Взявшись за дверную дужку, Андрейка тихонечко толкнул. «Кккто?» – крикнула простуженным голосом калитка. «Кккуда?» – удивился петух, провожая взглядом мальчишку.

– Тссс! – Андрейка приложил палец к губам и погрозил куриному ухажеру. – Предатель.

– Кккто? – подавился от возмущения петух. – Кккря? – последний его возглас был похож на кваканье проснувшейся лягушки. Куры, не ожидавшие от знойного красавца такой фальши, с презрительным удивлением подняли головы. Петух, поняв, что дал промашку, начал стыдливо разгребать лапой опилки, делая вид, что к последнему криканию он не имеет никакого отношения. Ни малейшего.

Тихо посмеиваясь, Андрейка прикрыл калитку, которая на этот раз почему-то решила промолчать. Куст, приветливо позвавший Андрейку, протянул к нему листочки-ладошки.

– Здравствуй. Ты кто? – мальчик ласково погладил ближайший лист. – Ай, ты чего колешься?

Куст стыдливо отклонил веточку с длинными колючками, и протянул другую. На ней, тяжело свисая, клонилась к низу красная ягода. Андрейка внимательно посмотрел на угощение. Десятка два крупных крупинки тесно прижались друг к другу, превращаясь в маленькую виноградную гроздь.

– А! Ты – малина! – понял Андрейка. – Мне тебя мама на рынке покупает. Ты вкусная. И полезная! – он вспомнил свою зимнюю простуду, и чудо-варенье, присланное бабушкой. – Это ты меня вылечила?

Куст радостно зашуршал листочками.

– Спасибо! – Андрейка еще раз погладил ветку, стараясь не уколоться. – Ты хорошая!

В это время раздался какой-то приглушенный треск, тихий хлопок, и что-то маленькое со всего маху врезалось в Андрейкин лоб. Подскочив от неожиданности, мальчик оглянулся по сторонам. Перед ним раски-

нулся ровными грядками бабушкин огород, кусты с крыжовником, три ветвистых яблони и больше никого.

В это время что-то опять тихо щелкнуло, хихикнуло, и маленький снаряд снова угодил Андрейке по лбу.

– В десятку! – послышался залиvistый смешок.

– Ах так, исподтишка? – возмутился Андрейка. – А ну, выходи, сейчас посмотрим, кто кого! – он повернулся назад, стараясь понять, кто же над ним подшучивает.

В это время новый снаряд щелкнул его по затылку, второй по спине, а третий прямо... Ну, не будем об этом. Потому что третий снаряд... промахнулся. Почти.

– Так не честно! – Андрейкин голос зазвенел как-то очень подозрительно. Почти так же, как во время драки с Сережкой из шестой группы. Так звонко, что Андрейка понял – сейчас заревет. Прямо на глазах у невидимого обидчика.

– Нет, ну что это за безобразие! – послышался чей-то сердитый голос. – Никакого спокойствия от этого горошка. Опять затеял в Робин Гуда играть!

Андрейка с удивлением смотрел на грядку, с которой доносился голос:

– А, вы кто?

Огромный пучок лука зашевелился, показалась белая с золотым отливом голова, покачалась из стороны в сторону, и на грядку вылез маленький крепенький дядечка, очень похожий на луковицу.

– Вы Чиполлино? – удивился Андрейка.

– Еще чего! – дядька отряхнул от приставшей земли свои ножки и начал расхаживать по грядке. – Чиполлино – это мой троюродный прадедушка по теткой линии. В самой Италии жил! – он гордо поднял кверху ручку, похожую на корешок.

– Знаю! – кивнул головой Андрейка.

– Откуда? – удивился дядечка. – Ты тоже из наших, луковых, будешь?

Он с сомнением оглядел мальчика с головы до ног. – Да вроде, нет. Ты на бабушку Фросю похож, хозяйку этого огорода.

– Я ее внук, – Андрейка тихонько дернул себя за ухо, проверяя, проснулся он, или до сих пор еще спит?

– А-а-а, понятно! – качнул кочкой зеленых перьев собеседник. – Ну, коли так, значит и нам не чужой. Почти родственник.

– Это почему еще? – возмутился Андрейка. Перспектива породниться с луком как-то его не радовала.

– Потому еще! – нравоучительно поднял корешок вверх собеседник. – Бабушка Фрося – она нам как мать. Каждого посадила, напоила, окучила, удобрила. Разве без нее мы здесь были? Да еще такие ухоженные? – он горделиво погладил свои щеки. – Нет. А внук нашей бабы Фроси, и нам внук. Ох, нет, – он задумчиво потер лоб. – А кто тогда, сын что ли? Или брат?

– Седьмая вода на киселе! – выкрутился Андрейка.

– Точно? – дядечка недоверчиво посмотрел в его сторону.

– Точнее не бывает! – заверил его Андрейка.

– Ишь ты, какие сейчас дети грамотные пошли. Всю родню до седьмой воды знают. Наука! – луковый дядечка уважительно посмотрел на Андрейку. – Ну, и как мне тебя называть? Киселем?

Мальчик отчаянно замотал головой:

– Андрейка я. Просто – Андрейка.

Дядечка подошел к нему вплотную, и протянул руку-корешок:

– А меня величать Лук Сердитович.

Андрейка нагнулся, и тихонько пожал руку собеседника:

– Очень приятно.

Раздавшийся знакомый уже хлопок, заставил обернуться обоих. Маленький зеленый снаряд, летевший прямо в Андрейкин глаз, под взглядом Лука Сердитовича шлепнулся, не долетев до цели.

– Опять? – дядечка сердито посмотрел на грядку, где хватаясь кудрявыми усами за колышки, веселился, размахивая стручками, зеленый горошек. – Войну прекратить! Стручки затворить! Усы замотать!

– Усы-то почему? – уныло проямлил горошек, жалостливо пряча стручки.

– Они у тебя... кудрявые! – дядечка сурово погрозил ему пальцем. – Ишь, беспорядку натворил! Горох по всему огороду разлетелся!

– Да я все сейчас поправлю, дядечка! – горошек захлопал маленькими листочками, и круглые горошенки, разлетевшиеся по огороду, с прыском собрались возле грядки. Потом они дружно прыгнули в землю, и притаились там, словно мышки.

– То-то же! – Лук Сердитович довольно взглянул на мальчика. – Видишь, Андрейка, как тяжело тут за порядком следить?

Андрейка же заговорщицки посмотрел на горошек, который притих после дядюшкиного выговора. Словно поняв его взгляд, тот вытянулся в струнку, зазеленел больше обычного и радостно замахал листочками.

Лук Сердитович погрозил ему кулачком, и повел Андрейку в другую сторону.

– Эх, Андрейка! Прodelки горошка – это забава. Вот скоро к нам такие гости пожалуют, от которых никакие запоры не спасут. Одни убытки от них.

– Какие такие гости? – удивился мальчик. – Бабушка, вроде, никого не приглашала!

– Эти приглашения не ждут. Сами приходят. Вернее прилетают.

– На самолете? – догадался Андрейка.

– Что? – не понял дядечка. – Нет, эти штуковины у них по-иному называются. На крыльях!

– Точно, Лук Сердитович! – послышался возмущенный голосок с соседней грядки. – Уж как налетят, проклятые, всю мою красоту девичью склюют, будто я для них цвела, да ягоды соком наливала!

Андрейка удивленно посмотрел вниз. Вся гряда была усажена кустиками с резными узорными листочками. А под ними! Под этими самыми листочками дразнящим спелым цветом краснели крупные тяжелые ягоды.

– Клубника! – Андрейкин язык без всякого спроса высунулся наружу и облизнул губы.

Резные листочки зашевелились, и в просвете между кустиками появилась маленькая девчушка. Ладная, да румяная. На голове красный платочек, на самой зеленый сочный сарафан, а щеки! Ни дать ни взять – спелые наливные клубнички.

– Кушай гость дорогой! – протянула она Андреюке большущую алую ягоду.

– Не надо! – смутился Андрейка. – Это же Ваше!

– Для хорошего человека не жалко! – девчоночка поклонилась, будто в старой сказке. – Кушайте на здоровье!

Понимая, что отказываться нельзя, Андрейка сунул ягоду в рот, и зажмурился от удовольствия – вкусно, слаще меда!

– Ты, Сладушка, ягодки бы свои попрятала от греха подальше! – раздался голос дядечки. – Не ровен час, налетят, сама знаешь кто, и не видать тебе твоей красоты-радости.

– Да кто налетит-то? – удивился Андрейка. – Бабки Ёжки, что ли?

– Что ты! – махнула рукой девчоночка. – Хуже! – Она поманила его ручкой, чтоб нагнулся, значит. – Дрозды! – шепнула она в самое ухо мальчику. – Они шибко мою ягоду любят, ничего бабушке Фросе не оставляют – всю дочиста склевывают.

Андрейка сердито посмотрел на ближайшие деревья. На самой верхней ветке черемухи он заметил черную птицу, похожую на ворону, но поменьше.

– Эти, что ли? – кивнул он на дерево.

Сладушка взглянула туда, куда показал мальчик, и всплеснула ладошками. – Эти! Караул! Уже сидит, примечает! Мои ягодки пересчитывает!

Андрейка погрозил птице кулаком:

– Кыш с нашего огорода. Нечего тебе и твоим друзьям здесь делать!

Сердито крикнув, дрозд перелетел на березку, что росла немного подальше.

– Точно, разведчика заслали! – Андрейка задумчиво оглядел огород.
– Будем собирать ополчение.

– Опол... что? – не понял Лук Сердитович. – Прополчение? Зачем? Бабушка Фрося недавно все грядки прополола – ни одного сорняка не оставила.

– Ополчение, – терпеливо повторил Андрейка. – Защищаться станем, значит. Подручными средствами.

Сладушка удивленно посмотрела на свои розовые ладошки. Андрейка махнул рукой и направился в сторону горошка:

– Ну, Робин Гуд, поможешь?

Высокие стебли зашевелились, и, будто из ниоткуда, появился тоненький юркий мальчишка, похожий на стручок.

– А то! Еще как помогу! У меня снарядов, знаешь, сколько? Не только на дроздов хватит, но и на ворон, что живут на опушке – тоже вороватые гостюшки.

– Ворон, давай, на потом оставим, – уточнил Андрейка. – А теперь у нас есть очень даже напросившийся кандидат, – он махнул рукой в сторону березы, на которой затаился дрозд.

Черный разведчик, будто услышал, что разговор принимает серьезный оборот, поспешил улететь от греха подальше.

– За помощью полетел, – насупился Лук Сердитович. – Теперь жди беды.

Андрейка деловито оглянулся по сторонам:

– Какие у вас еще боевые резервы имеются?

Сладушка всплеснула ладошками, и закрыла глазки:

– Ой, пропадут мои ягодки, все до одной пропадут!

– Не бойся, – успокоил Андрейка. – У меня первый разряд по боевому отстрелу из рогатки. – Он подобрал сучок, валявшийся под яблоней. – Я им такой артобстрел устрою – летать разучатся, не то что клубнику клевать!

– А про меня почему забыли? – послышалось откуда-то сверху. – Я хоть и не овощная грядка, но тоже за родной огород постоять могу!

Андрейка удивленно поднял глаза. Прямо над ним шуршала листвой старая яблоня. Десятки крепких зеленых яблок налились тугими снарядами и поблескивали на солнце бочками, готовясь к бою.

– Молодец, разбираешься в стратегии! – кивнул он головой. – Это наука такая, мне папа рассказывал. Ей Александр Македонский пользовался.

– А этот Александр, кем был – фруктом или овощем? – наклонила ветку яблоня.

Андрейка, остолбеневший от такого вопроса решил, что надо ответить поделикатней.

– Ягодой? – покраснелась от смущения Сладушка. – Точно, ягодой! – захлопала она в ладошки.

– Хм... – Андрейка думал, как бы ему никого не обидеть.

– Тоже мне, распридумывались! – заворчал дядюшка Лук Сердитович. – Яснее ясного – садовником он был. Это ж только садовнику ведомо, какую стратегию применить, чтобы огород процветал, да фрукты-овощи росли. И разные пернатые им не мешали!

– И ягоды, – вздохнула Сладушка.

– Что «ягоды»? – не понял дядюшка.

– И ягодам чтоб не мешали.

– А, ну да, конечно, – качнул тот зеленой кочкой волос. – И ягоды.

Андрейка решил, что одной метательной стратегией не обойдешься – нужно обеспечить дозор, который бы смог наблюдать опасность с высоты. Для этой цели было решено приспособить франтоватого петуха бабушки Фроси.

Услышав, что от него требуется взлететь на яблоню и затаиться там для важной наблюдательной миссии, петух впал в глубокий обморок. Потому как летать он отродясь не пробовал, и в глубине души не понимал тех глупых особей, которые для чего-то взмывают в чужое высокое небо.

– У тебя совесть есть? – внушал ему Андрейка.

– Кккто? – слабо кудакнул петух.

– Со-весть! – Андрейка бессильно опустил руки. – Нет, с таким дозорным нам быстро все ягоды поклюют. – Эх, ты! Сокол куриного двора!

Услышав про сокола, куры устроили такой гвалт, что бабушкина кошка Маська, лежавшая на завалинке, проснулась:

– Ну, я ммогу на дерево влезть. Тоже мне, премудрость! – муркнула она, лениво прищурившись.

– Вот это правильно! – обрадовался Андрейка. – Молодец, занимай пост!

Неторопливо потянувшись, Маська лениво пошла в сторону яблони.

– Не внушает она мне доверия! – Лук Сердитович хмуро смотрел, как Маська карабкается по стволу. – Она ж старая, ничего не увидит.

– Не только все увижу, но и услышу! – сердито мявкнула Маська откуда-то сверху. – Я готова.

Куры, очухавшиеся от переполоха, поспешили занять самые удобные места на заборе, откуда был виден весь огород.

– Кккуда? – открыл глаз петух, чувствуя себя покинутым всеми.

– Ко-ко! – сердито ответила ему старая курица, давая понять, что в глазах всего куриного коллектива его репутация стала меньше, чем у дождевого червя.

– Ку, – хотел оправдаться петух, но замолчал, понимая, что его никто не слушает.

Только успели все приготовить, как со стороны леса начало приближаться облако.

– Похоже, дождь собирается! – Лук Сердитович, щурясь, смотрел на небо. – Это хорошо. Бабушке Фросе не придется огород поливать.

– А я от дождя опять вся запачкаюсь! – вздохнула Сладушка, поправляя пышный сарафан.

– А ты листочки кверху подними, ягодки между ними спрячь, вот и не запачкаешься, – шевельнула ветвями яблонька.

Андрейка с удивлением смотрел на облако. Странное какое-то. Шевелится, будто живое, и летит быстро-быстро, точно его ураганом гонит. А ветра то нет!

– Ко-ко-короул! – квохнула молодая курочка, сидевшая на заборе. – Ко-козды!

– Козды? – удивился Андрейка. Еще раз внимательно посмотрел на облако... – Дрозды!!! – его крик, точно сирена, разнесся по округе.

Жители огорода заняли боевые позиции, готовясь встретить неприятеля по всем правилам стратегии садовника Македонского.

А туча из черных птиц уже кружила над огородом, оглушительно присвистывая в предчувствии вкусного обеда.

– Боец Яблоня, дальнобойные снаряды товь... Пли!!! – скомандовал Андрейка.

Несколько десятков яблок, подобно пушечным ядрам, пустились навстречу птицам. Набирая скорость, они взмыли в небо и, бешено крутясь, врезались в стаю.

Крики обескураженных дроздов дали понять, что снаряды достигли цели.

– Отлично, Яблонька! – Андрейка, ласково погладил ствол рукой. – Тооовсь! Пли!!!

Новые яблоки взлетели ввысь, целясь в незваных гостей. Перья, пух закружили в воздухе, птицы беспорядочно заметались по небу, старясь увернуться от снарядов. «Крак» – послышался грозный окрик, и дрозды, следуя команде, снова собрались в стаю.

– Яблоня, пли!!! – скомандовал Андрейка в третий раз.

– Смотрите, они рассыпаются! – всплеснула ручками Сладушка.

– И правильно, чтоб больше дроздов вывести из строя, – похвалил Андрейка.

– Птицы рассыпаются, – Сладушка махнула на стаю.

И точно. Дрозды, смекнув в чем дело, при виде следующей партии яблок рассыпались в разные стороны, уворачиваясь от снарядов.

– Умные, ничего не скажешь! – Андрейка сжал губы.

А вороватые гости уже пикировали на огород, по-хозяйски совершая посадку на клубничной грядке.

Андрейка повернулся к курам:

– Тооовсь... Один... Два... Сокол!!!

Куры, услышав имя вечного врага, в панике слетели с забора. Бешено квохча, и толкаясь, они носились по огороду, сея панику и ужас:

– Ко-кол, кокол! Спасайтесь!

Дрозды, забыв про клубнику, взмыли в небо, спеша поскорей унести крылья.

– Пульнуть им вдогонку? – предложил горошек Робин, у которого от возбуждения усы закрутились больше обычного.

– Бой надо вести, уважая себя и противника! – хмуро буркнул Андрейка.

– Македонский сказал? – уважительно спросил Лук Сердитович.

– Нет. Мой папа, – Андрейка тяжело вздохнул. Ему самому хотелось пульнуть вслед удаляющимся бандитам, но честь воина превыше всего.

– Пусть летят.

– Так вернутся! – Сладушка взволнованно металась по грядке, пряча ягоды.

– Вернутся, – кивнул Андрейка. – Но мы-то готовы!

Сладушка бросилась на соседнюю грядку:

– Тетушка Тыква, тетушка Тыква, проснитесь же, наконец! – ее кулачки бешено стучали по большущей тыкве.

– А? Что? Осень пришла? – сонно отозвался чей-то голос.

– Беда пришла. Дрозды прилетели! – Сладушка продолжала молотить кулачками по желтому боку тыквы.

– Сейчас, сейчас! – тыква шевельнулась, в ее боку образовалась дверца, и на грядку выкатилась такая же круглая, как домик, старушка. – Что ты раскричалась! – обратилась она к Сладушке. – Ну, дрозды, подумай! Знаешь, как они хорошо поют?

– Пока они только хорошо грабят! – насупился Лук Сердитович.

– Тетушка Тыква, помоги как-нибудь! – из глаз Сладушки во все стороны брызнули слезы.

Оправив зеленый передник, который был повязан поверх желтого платья, тетушка Тыква по-хозяйски прошлась вдоль своей грядки. Наклонилась к каждому растению, пошептала с ним, кивнула головой:

– Поможем.

Андрейка с удивлением посмотрел на свою футболку, которая вся покрылась розовыми горошинами. Он потрогал их пальцем, лизнул:

– Клубника!

– Что? – повернулась Сладушка.

– Ты ревешь клубничным соком, говорю! – мальчик задумчиво оглянулся по сторонам.

– Что в этом удивительного? Я же Сладушка! – пожала плечами девчоночка.

– Удивительного ничего, а вот пригодиться может. – Андрейка подошел к куче круглых пористых камушков, что были насыпаны неподалеку. – Это что?

– Керамзит, – пожал плечами горошек. – Его бабушке Фросе деревенский тракторист привез. Говорит, под гряды сыпать надо, чтоб земля дышала. Только бабушке одной – где с этим справиться?

Андрейка взял камушек и повертел его в руках. Потом повернулся к Сладушке:

– Пореву немножко, а? Вот сюда?

– Ты пошто над девчонкой измываешься? – возмутился Лук Сердитович. – Она и так вся разволновалась из-за дроздов!

– Для дела надо! – волнуясь, объяснил Андрейка.

Сладушка взяла камушек, распахнула зеленые глаза, потом сморщилась, и!.. Фонтан из розовых дождинок обрушился на камушек, покрывая его густым клубничным соком.

– Хватит, хватит! – остановил ее Андрейка. – Довольно!

Утираясь изумрудным кружевным платочком, Сладушка с удивлением смотрела на камушек, который вертел в руках Андрейка. Его красные бока налились ягодным соком, и красовались на солнышке, точно ягоды на грядке.

– Ой, будто клубника! – улыбнулась Сладушка.

– Именно! – Андрейка оглянулся кругом.

Петух, отошедший от обморока, сообразил, что его подруги совершенно потеряли ориентацию, и беспорядочно носятся, не понимая, где же тут выход. Он нашел большую щель в заборе, встал возле нее и призывно кукарекнул:

– Кооо?

Куры, услышавшие родной голос, со всех ног метнулись к нему. Андрейка решительно загородил им путь.

– Кооо? – возмутился петух.

– погоди маленько! – успокоил его Андрейка. Он разжал кулачок, взял двумя пальцами окрашенный камушек, и, будто гипнотизёр, помахал им перед глазами петуха.

– Кооо? – заинтересовался тот.

– Держи! – Андрейка взмахнул рукой, и красный кругляш полетел в центр куриного сборища.

Что тут началось! Куры, бешено квохча, кинулись за подарком, стараясь перехватить угощение. Толкаясь и крича, они отбирали друг у друга «клубнику», напрочь забыв о пережитом недавно страхе.

– Поняли? – повернулся к друзьям Андрейка.

Те удивленно наблюдали за куриной толкотней.

– Мне столько не нареветь! – покачала головой Сладушка.

Лук Сердитович удивленно переводил взгляд с куриц на Андрейку, с Андрейки на Сладушку, со Сладушки обратно на куриц:

– Ничего не понимаю!

– А реветь и не надо! – радостно подпрыгнул Робин. – Сейчас к братьям Помидорчикам сбегает, они помогут!

– Да что помогут?! – Лук Сердитович удивленно потряс ручками-корешками. – Скоро дрозды опомнятся, вернуться, и уже никакими курами их не обманешь!

– Чего ты опять ворчишь? – ткнула его круглым кулачком тетушка тыква. – Пошли за камушками. Сейчас «клубнику выращивать» станем! – она подхватила упирающегося дядюшку под руку и потащила его к куче керамзита.

Через полчаса груда спелой, непросохшей от томатного сока «клубники» лежала на солнышке, призывно поблескивая алыми бочками.

– И впрямь, точно настоящая! – восхищенно охнула Сладушка. – Даже отдавать ее жалко!

– А своих ягод тебе не жалко? – Горошек Робин принялся раскладывать камушки вдоль тыквенной грядки. – Похоже?

– Не совсем, – засомневался Андрейка. – Настоящая клубника на кустиках растет, а эта вся на земле лежит. Вдруг, догадаются?

– Ничуть не догадаются, – Сладушка любовно раскладывала «ягодки». – Может ее дождиком прибило? – она взяла в ручку земли и «припудрила» камушки. – Чтоб как взаправду было, – пояснила Андрейке.

Кивнув в знак согласия, Андрейка повернулся к Яблоне:

– Снаряды еще есть?

– Закончились! – та горестно шевельнула ветвями.

– Так у меня еще полные стручки! – Робин гордо махнул на гороховую грядку.

– У тебя снаряды ближнего действия. У них калибр маловат, – Андрейка взглядом оценил расстояние. – На подлете стрелять станешь. Когда враг совсем рядышком будет. Понял?

– Есть, командир! – Робин так усердно пристукнул пятками, что ближайший стручок лопнул, и круглые горошины ринулись во все стороны.

– Снаряды не разбазаривать! – Андрейка сурово посмотрел на лопнувший стручок.

– Есть, командир! – Робин уже подпрыгнул, готовясь опять козырнуть со своим фирменным пристуком, но под взглядом Андрейки приземлился на цыпочки, и сердито показал кулак непослушному стручку. Стыдясь своей несдержанности, тот юркнул куда-то под листочек, и затих там, точно его и не было.

– А где наш дозорный? – вспомнил Андрейка. – Почему он нас не предупредил, когда дрозды налетели?

Мальчик поднял голову вверх, стараясь среди листвы рассмотреть кошку, несущую вахту.

– Маська, отзовись!

Ответа не последовало.

– Дозорный, спуститься для доклада!

Снова молчание.

– Да где же она?

– А я сразу говорил, что не стоит ей доверять. Потому как кошки – самый ненадежный народ! – Лук Сердитович подошел к яблоне. – Особливо старые кошки. Только и знают, что весь день дрыхнуть на солнышке!

– Маська! – Андрейка со всей силы потряс Яблоньку.

Вверху что-то зашуршало, мявкнуло, и с громким треском упало на землю.

– Я же говорю, спит она! – Лук Сердитович сердито махнул рукой. – Тоже мне, дозорный!

– Ничего я не сплю! – Маська, сонно щурясь, старалась сориентироваться на местности. – Я план генерального сражения обдумываю.

– Сражение уже было! – Андрейка сурово смотрел на дезертира. – Эх, ты!

– Было? – кошка удивленно смотрела по сторонам. – А где пленные?

– Улетели, – Лук Сердитович отвернулся, сдерживая праведное негодование. – Но обещали вернуться. Так что у тебя есть шанс реабилитироваться. – Кинул он через плечо, и зашагал прочь.

Маська, понимая, что опозорила весь кошачий род, просительно посмотрела на Андрейку:

– Андреечка, мммиленький, я исправлюсь. Честно-честно исправлюсь. Пуси меня в засаде сидеть? А когда дрозды прилетят, я штук пять пленных точно поймаю.

– Ты и в засаде заснешь! – звонко засмеялся горошек Робин.

– Я ей не дам! – Пообещала тетушка Тыква. – Так защекочу, что она про сон надолго забудет! – Переваливаясь с ноги на ногу, тетушка зашеменила к своей грядке. – Чего стоишь, Масяня? Пошли, спрячу тебя для засады.

Целый час прошел в томительном ожидании. Дрозды, будто забыв о вкусной клубнике, не появлялись.

– Неужто испугались так сильно? – у Андрейки от пристального взглядывания в небо даже мушки в глазах забегали. – Лук Сердитович, может, отбой всем дать?

– Как бы не так, «испугались»! – Ворчливо ответил дядюшка. – Их бабушка Фрося в прошлом году, чем только не пугала. И вертушки ставила, и мешочки шуршащие развешивала, даже пугало смастерила – все одно, почти всю клубнику эти воришки поклевали!

– Значит, будем ждать дальше! – Андрейка устало присел на чурочку. – Маська, ты спишь? – решил проверить он ненадежного бойца.

– Ничуточки! – отозвалась та с тыквенной грядки. – Мне тетушка Тыква рассказывает, какмышь-полевка к ней за семечками приходила. Умора, да и только.

– Кко-козды! Козды! – петух, поборовший страх перед высотой, решил помочь всеобщему делу, заняв на яблоне место дозорного Маськи.

– Робин, к бою товсь! – скомандовал Андрейка.

Привычно козырнув, но уже без пятюк, горошек кинулся к своей грядке, заняв пост командующего артиллерией. Андрейка подтащил поближе ведро с круглыми камушками, натянул резинку рогатки, прицелился... Фью!... – полетел первый снаряд, направляясь в центр стаи.

Раздался громкий крик дрозда, и черный боец, выбывший из отряда, неуклюже кувыркаясь, полетел на землю.

– Ой, ты его убил? – заволновалась Сладушка.

– Не переживай, – успокоил ее Лук Сердитович. – Живой он, этот «подранок». Видишь, падать перестал, полетел. Да только не сюда, а назад, к лесу.

Фью... Пропел второй камешек. Новая потеря в рядах врага воодушевила друзей. Громко крича от возбуждения, овощи, ягоды, кусты, деревья, стали бросать все, что попадалось под руку в сторону приближавшихся налетчиков.

– Робин, пора! – скомандовал Андрейка.

– Первый расчет, товсь. Пли! – полетел по огороду звонкий голосок Робина.

Сотни зеленых горошин выстрелили со всей мощи, встречая противника дробными щелчками.

– Второй расчет, товсь. Пли! – скомандовал горошек.

Уворачиваясь на лету от осыпавших ударов, дрозды заматались в воздухе.

– Третий расчет, тооовсь. Пли! – раздалась команда.

Ряды нападавших заметно поредели. Штук пятнадцать дроздов развернулись, и возмущенно щебеча, ринулись к лесу. Остальные, видя бегство товарищей, уже разворачивались в воздухе. «Крак!» – раздался грозный окрик, заставивший их вернуться на поле боя.

«Ааа! Значит это их главарь!» – догадался Андрейка, приметив большого дрозда во главе стаи. Натянув резинку рогатки посильнее, он прицелился, и пустил самый большой камушек, который попался под руку. Словно почуяв опасность, дрозд резко спикировал вниз, и уселся прямо мехонько на тыквенную грядку с крашеной «клубникой». «Крак!» – раздалась его команда, и вся стая ринулась на огород.

– Смотри, что делают! – Лук Сердитович горестно хлопнул себя по щекам. – Огледы треклятые!

Сладушка закрыла глазки, чтоб не видеть разорения. Слезы ручьем бежали по ее щекам, оставляя розовые дорожки.

– Не реви, не реви! – успокаивал ее горошек. – Ты посмотри, половина из них на той грядке, где камни крашенные! Ох и поедят сейчас! – он возбужденно потирал зеленые ладошки.

Андрейка метал снаряд за снарядом в сторону нападавших. Но те быстро научились уклоняться от снарядов, и с хозяйским видом разгуливали по огороду. Протянув руку за очередным камушком, Андрейка понял, что ведро опустело. Растерянно оглянувшись по сторонам, он старался найти что-то подходящее, но как назло, ничего не было.

– Мрррмяууу!!! – раздался дикий звериный вой, и вся стая захватчиков взмыла вверх, испуганная новой атакой.

Андрейка с радостью и удивлением увидел Маську, которая металась по грядке, внося страх и смятение в ряды противника. Желтые глаза кошки горели, будто у хищного зверя, рык, настоящий тигриный рык и клцанье зубов сеяли такой ужас, что птицы решили плюнуть на все и бежать с поля боя.

«Крак!» – снова раздалась команда. Половина из удиравших послушалась своего командира, возвращаясь к месту сражения.

«Нет, надо что-то делать с этим пиратом!» – решил Андрейка. – Иначе он не отвяжется». Еще раз оглянувшись по сторонам, мальчик увидел длинный поливочный шланг, который лежал в меже. «То, что надо!» – Андрейка схватил спасительное оружие, соображая, где же находится вентель, чтобы открыть воду. «Кктуда!» – махнул клювом петух в конец огорода.

Запинаясь и падая, Андрейка ринулся в сторону колонки. За спиной раздавался птичий гвалт, рычание Маськи, команды Робина, который руководил артиллерией. «Успеть, надо успеть!» – тукало в голове мальчика. Вот и спасительная колонка. Повернул рукой вентель – туго, не идет! Приналег всем телом, повернул резной кругляш, сдирая кожу с казанков.

Фыркая и ворча, колонка толкнула воду по шлангу, будто не желая ее отдавать.

– Ну, миленькая, давай, спасай, родимая! – Андрейка кинулся к полю боя, волоча черный шланг, который наливался тяжестью спасительной воды.

– Пфу, пффффу, фрррр! – полетела вверх тугая струя, расцвечивая радугой брызг все небо.

– Что? Взяли?! – Андрейка с ликованием видел, как дрозды, ополоумев от новой атаки, ринулись наутек. – Аааа! – Андрейкин голос летел выше стаи, будто большая крылатая птица взмыла ввысь, чтобы нести дозор над огородом бабушки Фроси.

– Точно мокрые курицы! – раздался рядом drobный хохот горошка. – Смотри, Сладушка, они удирают!

Весь огородный народец радостно кричал от восторга, хлопал в ладоши, визжал и пел. «Наша взяла! Мы победили!» – несло от грядки к грядке. Даже интеллигентная яблоня, напрочь забыв о своей степенности, радостно махала ветвями, шурша злыми листочками.

– Кккку-кааа-реее-кууу!!! – полетел по округе зычный победный крик. Петух, полностью реабилитировавший себя в глазах кур, гордо восседал на заборе, красуясь перед всем народом. – Кккку-кааа-реее-кууу!!!

В это время что-то мягко толкнулось в ноги Андрейки. Опустив голову, он увидел кошку, трущуюся о его колени.

– Умница моя! – Взял он Маську на руки. – Ты – героиня!

– Бррррь! – муркнула та от удовольствия. – Я тебе обещала пленных? Пррринимай! Правда одного, но какого! – она прыгнула на землю и побежала к тыквенной грядке.

Там, истошно крича и ругаясь, барахтался среди тыквенных плетей вожак стаи. Увидев Андрейку, он заорал еще громче, дернулся из последних сил, и затих. Тетушка Тыква, довольно улыбаясь, погрозила ему кулачком:

– Попался, мошенник? Теперь не уйдешь!

– И что теперь с ним делать? – подошел Лук Сердитович. – Отпустить – он соберет новую банду, и опять вернется. – Лук выразительно провел рукой по шее и посмотрел на Андрейку.

– Ах! – вскрикнула Сладушка и упала в обморок.

– Ну, вы совсем, Дядюшка! – укоризненно крутнул усом Робин. – Это не наша стратегия!

– Стратегия? – Лук Сердитович дернул Андрейку за штанину. – А что там Македонский говорил по такому поводу?

Андрейка растерянно сунул руку в карман. А действительно, что делать? Его пальцы нащупали что-то металлическое, прохладное. «Мобильник!» – вспомнил Андрейка. Он задумчиво повертел телефон в руках, зачем-то залез в менюшку... «Диктофон? Диктофон... Диктофон?!!»

– Маська, – он взял кошку на руки и что прошептал ей на ушко. Та хищно облизнулась, кося желтым глазом на пленника.

– Нет, Андрейчик, миленький, нет! – запричитала Сладушка. – Маська, хорошая моя, я тебе все ягоды отдам, только не это!

– Рядовой Сладушка, отставить истерику! – громко скомандовал Андрейка. – Не мешай разработке новой стратегии!

Он опустил кошку на землю, и нажал кнопочку на мобильнике. Маська, картинно облизываясь, медленно пошла в сторону дрозда. Видя, что наступает его смертный час, вожак стаи заорал истошным голосом, призывая своих друзей на помощь. Его крик разнесся по всем закоулкам, пугая воробьев за забором, собак на улице, людей в огородах. Маська занесла лапу...

– Готово, Мась, иди ко мне, умница! – Андрейка снова нажал кнопочку и спрятал мобильник в карман. Потом подошел к дрозду и распутал его лапы от тыквенных плетей. – Мы тебя отпускаем, но помни – этот огород для тебя и твоих друзей не существует. Ты меня понял?

Не в силах кракнуть, дрозд моргнул глазом в знак согласия. Андрейка осторожно посадил его на землю и отошел:

– Лети!

Птица сидела на земле, боясь шевельнуться.

– Да он в обмороке! – хохотнул горошек. – Как наш петух!

– Ккккто? – возмутился петух, наблюдавший за происходящим с забора. – Кккто? – сердито повторил он снова.

– Никто! – улыбнулся Андрейка. – Сегодня мы победили. Сегодня вы все просто молодцы!

Смеясь и обсуждая недавний бой, все сидели на солнышке и довольно шурились. Немного погодя в небо взлетела птица. Ее полет был несмел и осторожен, будто она только училась летать.

– Как ты думаешь, он вернется? – Лук Сердитович сделал ладошку козырьком, и посмотрел на улетающего дрозда.

– Вряд ли! – улыбнулся Андрейка. – Ему Маськины зубы до конца дней сниться будут.

– А остальные? – Сладушка заботливо поправляла помятые в бою веточки клубники.

– А остальных у нас найдется, чем встретить! – Андрейка нажал кнопку мобильного, и по округе полетел истошный крик дрозда. – Слышали?

Птица, улетающая с поля боя, испуганно замахала крыльями и скрылась из глаз со скоростью ветра. Друзья, смотревшие ей вслед, дружно засмеялись.

Скрипучий голос калитки прервал их болтовню.

– Внучек, извини, я замоталась, совсем про обед забыла. Проголодался, хороший мой? – в глазах бабушки Фроси плескались голубые дождевики. Точно такие, как у папы. – Пойдем в избу, стол накрыт.

Андрейка оглянулся на огород... Кряхтя и ворча, усаживался на грядку Лук Сердитович. Тетушка Тыква подметала грядку, собирая осколки крашенных камушков. Сладушка приветливо махала кружевным изумрудным платочком. А на ветке яблони сидел, весело болтая ногами, горошек Робин. Он приветливо кивнул Андрейке и о чем-то зашептался с Яблоней.

Андрейка подмигнул друзьям, улыбнулся, и пошел вслед за бабушкой. Потому что нельзя заставлять волноваться родного человека. Ведь это неправильно, верно?

А ДОМ УШЕЛ ГУЛЯТЬ...

Жил-был Дом. Обычный Дом, как все Дома, в которых живут люди.

Он очень любил своих жильцов и еще любил слушать разные истории. Особенно удивительные и необычные приключения происходили с ребятами. Услышав много всевозможных поразительных рассказов, Дом потом долго не мог уснуть: вздыхал, ворочался и... мечтал. И в тех мечтах с ним происходило все то, о чем рассказывали ему ребята.

Однажды, в начале лета, когда жильцы разошлись и разъехались по разным местам, чтобы увидеть и услышать самое интересное, самое необычное, Дом не выдержал одиночества и... отправился гулять.

Он вышел со двора на улицу и робко огляделся. Но странное дело, никто не обратил на него внимания, и никто не сказал: «Дом, ты куда пошел? Почему покинул свое место?». Конечно, услышав такие слова, он обязательно вернулся бы, но в том-то все и дело, что его никто не остановил, ничему не удивился и даже ничего не заметил.

Дом расхрабрился и пошел по улице. Он заглядывал в окна магазинов, читал разные вывески задом наперед и смеялся, когда получалось забавное непонятное слово. Потом пил газированную воду до тех пор, пока в носу не защеботало от пузырьков. А когда он съел еще и мороженное, то жизнь показалась ему такой прекрасной, что Дом запрыгал и запел от радости.

Но бродить просто так, без всяких дел, ему вскоре надоело, к тому же очень сильно донимала жара, и он решил отправиться в лес, где, по рассказам ребят, было всегда прохладно.

Дом сел в автобус, который шел за город, и прилип к окошку. Ах, до чего же интересно было ехать! Мелькали разные строения, деревья,

люди, машины. Дом едва успевал их разглядеть, а навстречу уже несло что-то новое, незнакомое, неизведанное.

Но вот за окнами автобуса сплошной стеной выстроились деревья, кусты, и Дом понял, что начался лес. Когда автобус остановился, Дом вышел. Едва он поравнялся с большими деревьями, как вдруг услышал крик:

– Нельзя ли поосторожнее?!

Дом глянул себе под ноги и увидел маленького Муравья, который, храбро выставив свои усики, схватил еловую иголку, как копье, и приготовился к схватке.

– Извини, пожалуйста! – смущенно сказал Дом. – Я здесь впервые. Мне еще ни разу не приходилось быть в лесу, а тут так много интересного, что я забыл про осторожность.

– Ну, если впервые, тогда ладно! – снисходительно произнес Муравей.

– А куда ты направляешься? – поинтересовался Дом.

Муравей недоверчиво посмотрел на него, но все же сказал:

– Тут такая история: забрался я на листик, чтобы покачаться, а листик оказался прошлогодним, сухим. Вот ветром меня вместе с ним и унесло сюда. Где теперь мой Муравейник? – Сам не знаю.

– А ну-ка поднимись ко мне на крышу: посмотри оттуда! – предложил Дом.

Муравей не стал ждать повторного предложения: он быстренько забрался на крышу и оттуда оглядел лес.

– Вижу! Вижу! – радостно закричал он.

От счастья, что увидел свой родной Муравейник, быстро-быстро бежал по крыше, но потом вдруг сник и печально опустил усики.

– Ты чего приуныл? – ласково спросил Дом.

– Чему радоваться? Мне теперь до Муравейника и за день не добраться. Вон он как далеко!

– Не грусти! – улыбнулся Дом. – Ты маленький, вот тебе и кажется далеко. А я большой: стоит мне шагнуть пару раз – ты и дома!

Дом действительно сделал несколько шагов, и они очутились у самого Муравейника.

Муравьи настороженно встретили непрошенного гостя и приняли воинственную позу, но узнав, что Дом помог их другу в беде, тотчас мирно занялись своими делами.

А маленький Муравей в знак благодарности протянул ему веточку с муравьиной кислотой.

Дом лизнул веточку – что-то острое кисленькое приятно защипало язык. От удовольствия он даже закрыл глаза. Когда дом их открыл, то среди множества муравьев уже не смог отличить своего нового друга: ему казалось, что все муравьи на одно лицо.

Дом вздохнул и пошел дальше. Но едва он сделал несколько шагов, как наткнулся на измазанных грязью Лягушат.

– Отчего вы такие грязные? – любопытствовал Дом.

– Ква-ква... В нашей луже совсем нет воды, а без воды мы погибаем.

– Ну, эта беда – не беда: я вам в два счета помогу! Показывайте, где у вас была лужа?

Лягушата, толкаясь и мешая друг другу, запрыгали к небольшой ямке. Дом открыл кран с холодной водой и направил огромную струю в указанное место. Едва дно ямки покрылось водой, как наиболее храбрый Лягушонок прыгнул в нее – и сразу же выскочил обратно.

– Бр-р... Ква... Ох, до чего же холодная! Так и простудиться можно.

Дом тогда добавил горячей воды и сделал воду в луже теплой. Тут уж все Лягушата дружно кинулись в свой бассейн и стали показывать Дому кто во что горазд! Они кувыркались, ныряли, прыгали, гонялись друг за другом, – и все это делали с громким радостным кваканьем.

Дом не выдержал такого шумного веселья и, хитро улыбаясь, потихонечку спрятался за деревьями. Убедившись, что Лягушата не заметили его исчезновения, он пошел дальше.

И тут навстречу ему попался Ёж – грустный-грустный.

– Что за беда у тебя стряслась? – спросил Дом у Ёжика.

– Сынок у меня заболел. Ничего не ест. Ему бы сейчас грибов или ягодок, так время их не пришло. Пусто в лесу. Уж как тут быть – не знаю.

– А свежие яблоки помогут?

– Помочь-то помогут, да где их взять? Если только волшебник принесет! – И Ёж вздохнул.

– Я и есть тот волшебник! – воскликнул Дом.

– У меня горе, а ты шутишь! – укоризненно произнес Ёж, но тотчас же от удивления широко раскрыл глаза: Дом протягивал ему большие краснощекие яблоки.

– Бери, бери! – говорил он смущенному Ежу. – Они хоть и прошлогодние, но хорошо сохранились в холодильнике.

Ёж быстренько нанизал яблоки на свои иголки и, чуть слышно пофыркивая, исчез в кустах.

Дом еще немного постоял, прислушиваясь к шорохам спешащего домой Ежа, и приготовился продолжить путешествие, но вдруг ветки куста раздвинулись и перед ним снова оказался Ёж.

– Фу... – сказал запыхавшийся Ёж. – Успел все-таки! Я от счастья и поблагодарить тебя забыл.

– Что уж там! – заскромничал Дом.

– Давай так договоримся: как созреют в лесу ягоды, я тебе такие места покажу ешь – собирай сколько хочешь!

– Спасибо! Если смогу, то воспользуюсь твоим приглашением.

И они расстались довольные друг другом. Дом не спеша шел и шел по лесу и вдруг почувствовал, как ему на крышу что-то капнуло. Он остановился. Огляделся: светило солнце, небо было без тучек, дождю взяться неоткуда. Пока он так размышлял – опять что-то капнуло. Дом пригляделся к дереву, под которым стоял, и увидел в его ветвях маленького Бельчонка.

– Это ты плачешь? – спросил Дом.

Бельчонок от неожиданности чуть не упал с ветки. Он перестал всхлипывать и с удивлением уставился на незнакомца.

– Тебя кто-нибудь обидел? – вновь спросил Дом.

– Не-ет... – ответил Бельчонок. – Мама куда-то ушла и до сих пор не вернулась. А я есть хочу.

– Ну-ка, отведай моих кедровых орешков! – Дом протянул Бельчонку кулек с орехами.

Бельчонок, пугливо оглядываясь по сторонам, схватил подарок и мгновенно взметнулся на самую верхушку дерева. Убедившись, что ему никто не угрожает, он принялся за обед. Через некоторое время повеселевший Бельчонок весело зацокал: цок... цок... и стал прыгать с ветки на ветку, озорно прищуривая глазки.

А тут и Мама его вернулась. Бельчонок все рассказал ей, и Мама-Белка пригласила Дом, когда у того будет свободное время, на сбор грибов. Дом вежливо сказал: «Спасибо!» – и хотел отправиться дальше, но вдруг вспомнил, что уже поздно и ему пора в город.

Обратная дорога была без приключений, и вскоре Дом стоял на своем обычном месте. А так как он вернулся вовремя, то никто и не заметил его отсутствия.

И только ночью, когда все жильцы, поделившись своими впечатлениями от прожитого дня, уснули, Дом с нежной грустью вспомнил о лесных друзьях: о маленьком Муравье и Лягушатах, о Еже с Ежонком и Бельчонке с Мамой-Белочкой. И еще он подумал: «Надо помогать друг другу – тогда всем будет хорошо!»

Вот такая удивительная история произошла с Домом, с обычным Домом, в котором живут люди.

ИСТОРИЯ О БРАТЬЯХ – РОДНИКЕ И РУЧЕЙКЕ, МУЖЕСТВЕННОЙ КРАПИВЕ, КОВАРНОМ ВЬЮНКЕ И ДОБРОМ ЧЕЛОВЕКЕ

С невысокой горы, поросшей лесом, бежал Ручеек. Он весело журчал по камушкам, напевая радостную песенку. Эта песенка была бесконечной, как были бесконечны светлые струи самого Ручейка. На своем пути он успевал выполнить немало дел. Там, где бежал Ручеек, всегда было шумно и весело: носились стрекозы, порхали бабочки, на все лады звучали голоса птиц, высокие деревья, покачивая мудрыми головами, вели неторопливую беседу.

Только мало кто знал, что у Ручейка есть брат – Родник. Он жил около большого черного камня, покрытого зеленым бархатом мха. Вокруг Родника росла высокой стеной могучая Крапива.

Родник был очень беспокойным, непоседливым. Хотя вода в нем была постоянно холодной, он вечно бурлил и кипел так, как будто снизу его подогревал невидимый костер. Родник любил играть песчинками и мелкими камешками. Когда к нему заглядывало Солнце, он превращал его лучи в солнечных зайчиков, а когда приходила Ночь и вспыхивали Звезды, их холодный свет оживал в Роднике танцующими искорками, словно это был веселый хоровод гномиков.

Роднику жилось радостно и беззаботно. От всех невзгод его надежно укрывала Крапива. Роднику была приятна такая забота. Он гладил своими влажными прохладными ладонями ее стебли и листья и не боялся ее, потому что знал: она с друзьями всегда добрая и ласковая. Но с врагами Крапива разделялась беспощадно! Поэтому редко кто рисковал заглянуть через эту живую жгучую стену и, наверно, поэтому мало кто знал о существовании Родника.

Но однажды, когда лето было особенно жарким и засушливым, до слуха Родника донесся ласковый вкрадчивый шепот:

– Так вот кто дает воду Ручью! Ах, какой ты добрый и бесхитростный!

Родник беспокойно заглядывался, но кроме задремавшей Крапивы никого не увидел. Тогда он, слегка волнуясь, так же тихо спросил:

– Кто ты?

– Я – Вьюнок! Я пришел оттуда, где Ручеек становится большим и полноводным и где о нем идет громкая слава.

– О какой ты славе говоришь?

– Ах, милый Родничок, какой ты все-таки доверчивый и наивный! Посмотри: Солнце все выжгло вокруг! Спаслись только те, кто живет у Ручейка. И теперь слава о нем разнеслась по всему свету. А о тебе нигде и ничего не слышно.

– С кем ты тут шепчешься, Родник? – поднимая голову, спросила Крапива. – А-а, это ты, Вьюнок! Зачем сюда пожаловал, старый хитрец?

– Он говорит, – опередив Вьюнка, сказал Родник, – что о моем брате, Ручейке, знают все, а обо мне никому неизвестно, – и Родник обиженно затих.

– Так вот зачем ты сюда пришел! Ты хочешь поссорить братьев между собой! – Крапива негодуяще ошетилилась жгучими листьями. – Не слушай его, Родник! – обратилась она к своему другу. – Все знают, что это ты даешь воду Ручейку, и он несет ее всем, кто нуждается в этом.

– Так почему же благодарят только его, а обо мне забывают? – печально произнес Родник.

– Не слушай ты этого обманщика! – воскликнула Крапива. – Ты и Ручеек не делимы друг от друга, и если одному из вас говорят: «Спасибо!», то это слово благодарности предназначено и другому.

Родник больше ни о чем не спрашивал: весь день был тих и задумчив. А ночью, когда все погрузилось в сон, он почувствовал себя одиноким, всеми забытым. И тогда ему стало жалко себя. Он вспомнил дневной разговор, и снова появилась зависть к брату, слава о котором разнеслась по всему свету. В нем росла обида. Он негодовал и клокотал. От этого шума проснулась задремавшая Крапива и даже любитель поспать, Вьюнок, открыл глаза.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Крапива.

– Я больше не дам Ручью воды! – заявил Родник. – Пусть он попробует обойтись без меня! Посмотрим, какая о нем пойдет слава!

– Ты поступаешь правильно! – ввязался в разговор Вьюнок. – Только не надо так бурлить: чем спокойнее ты будешь себя вести, тем меньше воды достанется Ручью.

– Родник, не делай этого! – стала убеждать Крапива. – Если ты перестанешь делиться водой с Ручейком – вы оба погибните. Ваша сила в единстве!

Родник ничего не ответил. Лишь изредка, когда он обиженно вздыхал, возле черного камня поднимался маленький фонтанчик и сразу же опадал.

Утром все ахнули: вместо Ручейка с горы тянулась тоненькая, едва заметная, ниточка воды. Все стали спрашивать у Ручейка: что случилось? Куда девалась его вода? Но Ручеек молчал: он совсем обессилел.

А солнце припекало все сильнее и сильнее. Всех мучила жажда. И тогда, собрав остаток сил, Ручеек обратился к Роднику:

– Брат, дай воды! Не для себя прошу: если погибну я – погибнут цветы, деревья, бабочки, стрекозы, рыбки, животные. Погибнут все, кому необходима твоя вода.

Ручеек говорил таким печальным тихим голосом, что Роднику стало жалко его, и он уже хотел наполнить его прохладной вкусной водой, но тут вмещался Вьюнок:

– Не вздумай их жалеть! Вспомни: кого они хвалили, кому говорили слова благодарности? Неужели ты простишь им все это?

И Родник не произнес ни слова.

Чем выше поднималось Солнце, тем тише становилось вокруг. Погибли цветы. Умолкли птицы. Листья на деревьях сморщились и пожтели. Звери покинули безмолвный лес. Повсюду царили страх и пустота. Даже Крапива, верный мужественный защитник Родника, не выдержала этой жары и, преодолевая гордость, попросила:

– Ради старой дружбы дай глоток воды! Я совсем ослабла и теперь не смогу тебя защищать от врагов, особенно от хитрого и вероломного Вьюнка. Бойся его!

Услышав это предсмертное предостережение Крапивы, Вьюнок добрался к самому Роднику и сладко стал нашептывать:

– Славный Родничок, зачем тебе эта некрасивая и злая Крапива, когда теперь с тобой я?! Посмотри: какие нежные ласковые у меня руки, как прекрасны мои цветы и как они чудесно пахнут!

Родник вдохнул аромат, идущий от цветков Вьюнка, – у него закружилась голова: все ему стало безразличным, захотелось спать.

Когда Родник очнулся, то вместо неба он увидел над собой какую-то странную решетку из тонких стеблей.

– Что это? – испуганно спросил Родник.

– Это я построил тебе домик! – с гордостью ответил Вьюнок.

– Но я не могу жить без неба, солнца, звезд! – с чувством тревоги проговорил Родник.

– Зачем они тебе? Мы будем жить вдвоем: ты да я! – заявил хитрец, поспешно закрывая последние щелочки, через которые еще пробивался свет.

– Выпусти меня на свободу: я задыхаюсь здесь! – взмолился Родник.

– Теперь ты будешь служить только мне! – властно сказал Вьюнок.

Родник так и погиб бы в мрачной тюрьме Вьюнка, но узнал о той беде Человек и пришел к нему на помощь. Он разорвал крепкие цепи Вьюнка, и стал Родник снова свободным! Вновь забурилась, закипела в нем вода, запрыгали солнечные зайчики, закружились в веселом хороводе искорки-гномики. Его брат Ручеек снова запел любимую песенку. Все вокруг ожило: вновь стали носиться стрекозы, порхать бабочки, на все лады зазвучали голоса птиц, высокие деревья, покачивая мудрыми головами, вновь занялись неторопливой беседой.

И снова, как прежде, Большая Река плавно несет свои воды к морю и море по-прежнему огромное, безбрежное.

СЕМЕЧКО – РОСТОК – ДЕРЕВО

Он помнил себя Семечком с тех пор, как осенний ветер сорвал его с ветки дерева и унес в эти места. Он спрятался в старой выгоревшей от солнца траве и уснул. Над ним лили дожди. Холодные ветры студили землю. Потом выпал снег. Стало темно и тихо. Затем снег растаял и убежал куда-то с веселыми ручейками. И тут пришло тепло. С приходом тепла в жизни Семечка произошла удивительная история.

Он проснулся от смутного беспокойства: что-то тревожное непонятное будоражило его. Он вдруг ощутил в себе огромную силу. И еще он почувствовал, что домик, в котором ему пришлось так долго спать, стал мал и тесен. Он слегка поднатужился – и домик лопнул. Потом он раздвинул двумя маленькими ладошками землю – и ему открылся неведомый мир.

Первое, что он увидел, было огромное небо, на котором виднелись неяркие звезды.

– Странно, – произнес он, – почему они такие тусклые?

– Потому что наступает утро – и звезды гаснут, – сказал кто-то рядом.

– Ой, кто тут?

– Не бойся! Я – Божья Коровка. А ты кто?

– Я – Семечко!

– Нет, ты уже не Семечко, ты – Росток! Но вот какой росток? Пока не понятно.

– Почему?

– А первые листики почти у всех одинаковые. По ним трудно судить, кто кем станет.

– А что я должен делать, чтобы узнать, кем я стану?

– Расти! – Сказала Божья Коровка и, расправив крылышки, улетела.

«Легко сказать: расти! – а как это делается?» – подумал Росток.

Он беспомощно завертел головой и тут увидел, как что-то большое круглое и красное осветило все вокруг и улыбнулось доброй улыбкой.

Росток от радости весь затрепетал и потянулся навстречу его теплым лучам, и вдруг заметил, как у него появились листочки: сначала один, затем другой. Росток обрадовался и подумал: «Значит, я расту! Значит, теперь можно узнать, кем я буду?»

Он бережно поднял свои листики к большому теплему шару и спросил:

– Ты кто?

– Я – Солнышко!

– А кто я? Ты знаешь?

– Пока Росток! А когда вырастешь – станешь Деревом!

– Ура! – весело закричал Росток.

– Чему радуешься? – сказал ворчливо черный Жук. – Чтобы стать Деревом, нужно расти много-премного лет.

– Ну и что же, я буду расти – и вырасту!

– Ах, глупенький! Ах, бедненький! Ничего ты еще в жизни не понимаешь, – ехидно прошипела жирная Гусеница. – Вот я съем тебя сейчас – и весь разговор! И никакого Дерева!

От этих слов испуганный Росток съежился и притих. Но тут кто-то озорной и веселый взлохматил его голову, заиграл его листочками.

– А ну, проваливай отсюда ненасытная утроба! Я не буду Ветром-Ветерком, если дам его в обиду!

И Ветер-Ветерок так дунул на Гусеницу, что та, свернувшись калачиком, поспешила убраться восвояси.

Обрадованные одержанной победой, друзья распалились пуще прежнего. Ветер-Ветерок первым не выдержал этой игры и отправился отдыхать в густой траве. А Росток вдруг почувствовал, что очень хочет пить и чем выше поднимается Солнышко, тем сильнее ощущение жажды. Листики его свернулись в трубочку, голова поникла.

– Кто же мне поможет? Кто даст напиться? – горестно прошептал Росток.

– Тебе может помочь только Дождевая Туча, – сказала Солнышко, само раскаленное до бела от жары.

– А где она?

– Об этом знает Ветер-Ветерок! Да где его теперь искать?

Удрученный Росток опечалился еще сильнее. А тут, откуда ни возьмись, появился Паук и начал опутывать его паутиной.

– Что ты делаешь, Паук? Мне совсем уж нечем дышать!

– А мне все равно: живой ты или мертвый. Мне лишь бы поскорей паутину развесить да капканы расставить на разных букашек-таракашек.

И только он произнес это, как в его паутинную сеть попала старая знакомая Ростка Божья Коровка!

Ох, и хитрая ловушка у Паука: чем больше Божья Коровка мечется, тем сильнее запутывается в паутине. Совсем уже из сил выбилась, а выбраться не может. Паук от радости ножку об ножку потирает, зло усмехается.

Не вытерпел Росток, собрал последние силы – и развернул листики! Паутина лопнула – и Божья Коровка вновь стала свободной!

– Ах, ты так! – разъяренно закричал Паук. – Теперь тебе не жить!

Он быстрее прежнего забегал по листикам Ростка, еще сильнее натягивая свои паутинные сети. Может, и задохнулся бы Росток в паучьей неволе, но тут случайно мимо пролетала Птичка. Она схватила злого Паука и унесла в свое гнездо.

Тем временем Солнышко отправилось спать. Наступила ночь. А с нею пришла прохлада. Росток немного ожил, стал жадно дышать. А под утро стало так холодно, что даже выпала роса. Несколько росинок маленькими шариками повисли на листиках Ростка. В этих прозрачных капельках воды отражался весь мир, который окружал его, но утолить жажду Ростка они не могли.

– Пить! Я хочу пить! – жалобно говорил Росток.

Но никто его не слышал и никто не отвечал.

И снова вошло Солнышко. И снова пришла жара. Росток уже почти умирал, когда вдали, на тропинке, возле которой он рос, увидел две фи-

гурки: одну маленькую, а рядом с ней высокую-высокую. Но вот фигурки приблизились и это оказались Девочка и ее Папа.

– Папа, смотри: Дерево плачет!

– Это не Дерево! Всего-навсего лишь Росток. Ему до Большого Дерева расти да расти надо.

– Ну, все равно: он плачет! Мне его жалко!

– Да это же не слезы, а роса.

– Нет. Он хочет пить! Видишь, какие у него листики сухие?

– А мы чем поможем?

– Давай принесем ему водички!

– А как же цирк? Нас не пустят, если опоздаем.

– Мы не пойдем в цирк! Без нас Росток умрет и тогда здесь не вырастет Большое Дерево.

– Пожалуй, ты права! Пошли за водой.

Через некоторое время Росток жадно пил воду, а маленькие руки бережно гладили его листики, убирали остатки паутины, рыхлили землю у его корня.

– Папа, смотри, смотри: он головку поднимает и улыбается!

Вот и хорошо, что ожил! Только напрасно все наши хлопоты: тропинка рядом. Невзначай кто-нибудь наступит – и погиб Росток!

– Давай его огородим и табличку повесим: «Здесь живет Росток».

– Ты хорошо придумала! Только табличку мы повесим другую: «Здесь растет будущее Большое Дерево» и все тогда поймут, что нужно долго и терпеливо помогать Ростку, чтобы он вырос в настоящего великана.

...С тех пор прошло много лет. За это время Росток превратился в Большое Дерево. И всякий раз, кто идет по тропинке, может отдохнуть в тени его ветвей, послушать пение птиц, понаблюдать за жизнью разных насекомых. А Большое Дерево всегда радо людям: оно помнит их доброту и ласку.

В стихах

*Марина Шапошникова,
лауреат конкурса*

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ КАРМАШКИ

Дружно, словно по свистку,
Все сбежались к турнику.
Кувырок за кувырком.
Стало все вокруг вверх дном.

У Егора и Наташки
Вверх тормашками кармашки.
У Арины, Оли, Пашки
Вверх тормашками кудряшки.

Вверх тормашками ромашки,
Солнце, облака, букашки.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Он на вкус чуть-чуть соленый,
Как грибной пирог слоеный.
Пахнет морем, земляникой,
Недоспевшей ежевикой,
Дыней, медом и травой.
Весь звенящий и живой!

...Утром тихо, словно кошка,
Пробирается в окошко,
Пьет к полудню чай с малиной.
Может, заболел ангиной?!
Резвый, заводной, как мяч
И под солнышком горяч!

ПАУЧОК

Паучок вздыхает тяжело –
Повредил бочок бедняжка.
Убегал он от жука
И поранился слегка.

Под листом зеленым тихо
Шепчет мама-паучиха:
«Я сплету тебе гамак,
Но не плачь, сыночек, так».

Лучше лекаря любого
Мамой сказанное слово,
Нежный взгляд, ее тепло.
Боль и слезы – все прошло.

ДВЕ ЛЯГУШКИ

У соломенной избушки
Повстречались две лягушки,
Две веселые подружки,
Две певуны, хохотушки.

– Ква-ква, ква-ква, ква-ква-та,
Эта песенка проста,
Хватит нам с тобой двух нот,
Чтоб заслушался сам кот!
– Ква-ква, ква-ква, ква-ква-ква,
Ты, подруженька, права.

– Ква-ква, ква-ква, ква-кваки,
В речке раки-забияки,
Если к ним в клешни попал,
То, считай, уже пропал!
– Ква-ква, ква-ква, ква-ква-ква,
Ты, подруженька, права.

– Ква-ква, ква-ква, ква-ква-ут,
Я скачу в соседний пруд,
Там в осоке для лягушек
Много комаров и мушек.
– Ква-ква, ква-ква, ква-ква-ква,
Ты, подруженька, права.

Лягушачий разговор
Слушал с грядки помидор,
Он подрос и покраснел,
Но прервать их не посмел.
...Поздно вечером лягушки
Распрощались. Вот болтушки!

ГДЕ ЗИМУЕТ ЛЕТО?

Куда зимовать наше лето уходит,
Где в холод, в мороз оно место находит?
С медведем в берлоге? Темно там и сыро,
Он спит беспробудно, а лету уныло.
Возможно, где птицы зимуют – на юге,
Красуясь в жару на цветастой дерюге.
А может, на краешке солнца печется?
Глядит, как мы мерзнем, и звонко смеется!
Хочу, чтобы лето со мной оставалось
До осени поздней. Но это же малость!
Посадим цветы, заморозим клубнику
И с мамой сошьем мы для лета тунику.

ИЗ НИОТКУДА

Из местечка Ниоткуда
Осень к нам пришла, как чудо.
Дождь из молока и чая,
Он идет, чуть-чуть скучая.
Ветер с запахом корицы
И повадками лисицы
Пробирается в листву
И пожухлую траву.
Листья, словно птичья стая,
Кружат в воздухе, взлетая,
Исчезают в дымке синей,
Превращаясь в белый иней.

МЕТЕЛИЦА

Вновь на дворе метелица –
Шалунья и бездельница,
Качает ветки груши
И щиплет нос и уши.
Она то крутится волчком,
А то взлетает кувырком
Хозяйкой на чужой чердак,
И там творится кавардак...
Потом она вздыхает,
Сопит и затихает.

ПОГЛОТИТЕЛЬ КОНФЕТ

На кухне скучал одинокий буфет,
Но все изменил поглотитель конфет.
Не тронул он чашки, тарелки и ложки.
Зато съел ириски без всякой дележки!

Затем проглотил в шоколаде зефир,
Устроив из сладостей маленький пир.
В буфете оставил лишь булку витую,
Три фантика, крошки, коробку пустую.

Соседству такому буфет был не рад,
Пропал из него весь цветной мармелад,
Исчезли халва, со стущенкой печенье,
Грильяж, пастила, леденцы и варенье.

Но чтобы сластена проникнуть не смог,
Закрылся буфет на огрооомный замок...
Батончик фруктовым сиропом облитый,
Драже, карамель – под надежной защитой!

ТРАМ-БАРА-БУМ

Если за дверью услышите стук,
Это пришел к вам забавный наш друг:
В фетровой шляпе, зеленых ботинках,
В шарфе цветном, с чемоданом в картинках.

Трам-бара-Бум – весельчак, фантазер,
В нем поселились мечты и задор.
Любит варенье, конфеты и праздник,
Он, как все дети, немножко проказник.

Трам-бара-Бум обожает шалить,
Может из лейки он воду разлить,
Нарисовать на обоях ромашки
И разбросать из пакета фисташки.

Трам-бара-Бум, почитав перед сном,
Слушает шепот луны за окном.
Звезды ему дарят музыку скрипки,
Он им в ответ посылает улыбки.

СПИ, СЫНОЧЕК

Спи, сыночек,
Сладко-сладко,
Привезет тебе лошадка
Из таинственной страны
В золотой повозке сны.
Тишина клубочком пряжи
У твоей кровати ляжет.
Ночь заглянет к нам в окошко,
Сыпля звезды из лукошка.
А луна – лимона корка,
Охранять нас будет зорко.
Засыпай, а я спою
Баю-баюшки-баю.

*Анна Прилепина,
специальный диплом конкурса*

ПАПАПОХОД

Папа кладовку утром открыл,
Большую веревку в рюкзак положил.
В термос горячего чая навел,
Вскинул рюкзак и из дома пошел.
Папа идет
В папапоход,
Он в папапоходе
Чего-то найдет.
Он в папапоходе
Чего-то найдет
И это чего-то
Он нам принесет.
По топким сугробам, по снежным дорогам
Зимою суровой идти папе много.
Вот стала стираться лазурь небосвода –
Пора возвращаться из папапохода.
Папа пришел
Из папапохода,
Для нас он нашел
Интересное что-то:
Снежный комок,
Пару шишек еловых,
Радость дорог
Неразведанных, новых.

Термос пустой,
Отмороженный нос
Папа с собой
Из похода принес.
Вот вырасту я,
И папа возьмет
С собою меня
В папасынопоход!

ПОЧЕМУ У МАМЫ МОКРЫЕ КАРМАНЫ?

– Ярик, будешь пить?
– Угу! – отвечает на бегу.
Налила ему в стаканчик:
– На здоровье, пей, мой мальчик!
Сделав радостно глоток,
Призадумался сынок:
«Где же лучше сохранится
Недопитая водица?
Ну, конечно же, у мамы!
У нее ведь есть карманы!»
И тотчас с водой стакан
Опрокинул в мой карман.
И теперь в кармане дружно
У меня хранятся лужи!

МАМНАЯ КАША

Мама варила мамную кашу.
Вышло отлично – честно вам скажем!
Мамная каша варилась все утро,
Белая, легкая, облако будто!
Кушаю кашу я понемножку,
Ложка за ложкой, ложка за ложкой.
Вкусно-то как! Объявление просто!
Буду любить ее, даже став взрослым.
В искусстве готовки постигнуть бы главное:
Как же так вкусно варить кашу мамную?!
Вечером папа с работы пришел,
Руки помыл и уселся за стол.
Я ему радостно сообщаю:
«Мамная каша! Садись! Угощаю!»
Папа, взяв ложку, сказал мне с улыбкой:
«Какая, какая? Тут явно ошибка!
МАННАЯ, видно, сказать ты хотела?»
Весело я на него поглядела:
«Эту ведь кашу мама варила,
Так что я правильно все говорила!
Мама – не Маня, не Мила, не Маша,
Так что в тарелке – МАМНАЯ каша!»

ПРО ПРИБОРКУ

Зачем прибираться в квартире – не ясно.
Приборка – занятие просто напрасное.
Подумаешь, – мусор! Подумаешь, – пыль!
Не стоят они ни вниманья, ни сил.
Я лучше читать на диване прилягу
Про остров, индейцев, хромую собаку,
Про то, как отважный и смелый пилот
Ведет на посадку свой самолет.
Про ключ золотой, про коней златогривых,
Про девиц прекрасных и... трудолюбивых.
Про то, как они подметают и моют,
Готовят, стирают и вовсе не ноют.
Эх, ладно... от книг так и быть оторвусь
И за приборку в квартире примусь.
Ведь в сказках, поди, совсем не случайно,
Что Золушкам в жизни везет чрезвычайно.
Почищу посуду и вымою пол,
Протру табуретки, обеденный стол,
Смахну пыль со шкафа, ковер подмету,
В квартире своей наведу чистоту.
А после всех дел отдохну я немножко
И сяду высматривать принца в окошко!

КРАСОТА – СТРАШНАЯ СИЛА

У мамы совета не спрашивая,
Подстрижены коротко волосы,
И вместо бровей гуашевой
Краской намазаны полосы.
Из пластилина на пальчиках
Красуются ногти с горошками,
Соцветия одуванчика
Висят на ушах сережками.
Надеты колготки сестрины,
Поверх сарафана футболка,
Останки волос зачесаны
И сныканы под заколкой.
Два шарфа на шею намотаны,
Повешены бусы поверх.
Через плечо по-модному
В затылочках чей-то мех.
Вздыхнула дочурка: «Ну, маята!
Полдня красоту наводила.
Теперь понимаю, что красота –
Очень страшная сила!»

ПОИСКИ КОМПРОМИССА

Мы делили в ванне тазик,
Чтоб кораблик запускать,
Ни в какую младший братик
Не хотел мне уступать.
Я кричала: «Это яхта!
Пусть несет ее волна».
Брат же кораблем барахтал:
«Плыть подлодка вниз должна!»
Брызги, визги, делим судно,
Тянет каждый на себя.
До чего ж решить нам трудно
Назначение корабля.
Мы шумели и кричали,
Даже чуть не подрались.
Папа с мамой прибежали,
Выслушали и сказали:
«Что ж, ищите компромисс!»
Озадачились мы с братом,
Сразу бросили играть.
Думаем: идти куда там,
Чтобы компромисс искать?
Заглянули под подушки,
По всем комнатам прошли,
По углам нашли игрушки,
Компромисса не нашли.
В тазик плюхнулись мы дружно,
Подняли кораблик ввысь –
Он теперь у нас воздушный,
Так что найден компромисс!

СКАЗКА ПРО СЫНУЛЮ-КАПРИЗУЛЮ

Как-то наш сынуля плакал
И на пол слезами капал.
Вдруг из чащи из дремучей
Налетела злая туча.
Налетела на сынулю,
На сынулю-капризулю,
И на небо голубое
Унесла его с собою.
Там сказала: «Раз ты плачешь,
На меня работай, значит!
Будешь ты теперь отныне
Плаксой и творцом уныния!
Будешь лить на землю слезы,
Чтоб был дождь, и были грозы.
Все, сиди на этой туче,
Да реви как можно лучше.
Я же буду прилетать
И работу проверять!»
И остался в небе сын
Среди туч совсем один.
Слезы в три ручья бегут,
Ливнем с тучи вниз текут.
День, другой наш сын сидит,
Жалобно ревет навзрыд:
«Помогите, мама, папа,
Не хочу слезами капать,
Не хочу я быть дождем,
Горько плакать день за днем.

Мама, папа, помогите,
С неба поскорей снимите!
Не хочу я жить у тучи,
Мне у вас намного лучше.
Никогда не буду в жизни
Я упрямым и капризным!»
Но с небес не слышно рева,
Только дождик льется снова.
Глянут в небо папа с мамой:
«Затянулся дождь упрямый.
Слезы льет без передышки,
Ну точь-в-точь как наш сынишка».
Так неделю сына плакал
И дождем на землю капал.
А потом решил, что хватит
Силы на капризы тратить.
Радостно на тучке сел.
И не скажешь, что ревел.
Потянулся, улыбнулся,
Ловко перекувыркнулся.
И повеселев немножко,
Стал болтать одною ножкой.
Тут откуда ни возьмись
Налетела сверху вниз
Туча, черная от злости:
«Что такое? Что за новость?
Почему ты не ревешь?
Громким криком не орешь?
Ну же, мальчик, потрудись,
Хорошенько разревись!

Хватит, крошка, дрыгать ножкой,
Ну же, пореви немножко!»
«Ну уж нет! – сказал сынуля.
– Больше я не капризуля.
Больше ни одной слезинки,
Больше ни одной дождейки!»
И сказала туча злая:
«Что ж, тебя я увольняю.
Раз ты счастлив и любезен,
Ты мне в небе бесполезен».
И мгновенно туча сына
Закружила в небе синем,
Прилетела к дому вниз,
Посадила на карниз.
И сказала: «Будешь ревой
– Заберу тебя я снова!
Мне нужны такие люди,
Что капризы очень любят
И ревут без передышки,
Хоть девчонки, хоть мальчишки».
Сын в ответ сказал: «Спасибо!
Ни капризов, ни обиды,
Жалоб, рева и нытья
Не дождетесь от меня!»
И с тех пор родители
Слез его не видели!

ДОМАШНЯЯ ФЕЯ

Знайте, взрослые и дети!
Феи есть на белом свете:
Вот встаю я на рассвете,
А на вешалке висит
Гладко-гладко, ровно-ровно
Отутюженная форма.
Значит, точно где-то дома
Фея у меня гостит.
И в портфеле все в порядке –
Все учебники, тетрадки,
Все линейки и закладки –
Все как надо – по местам!
Нет в портфеле хлебных крошек,
Фантиков идохлых мошек,
Яблочных огрызков тоже –
Феей выкинут весь хлам.
Где та фея обитает,
Что мне вечно помогает,
Моет, гладит, прибирает,
Столько делает всего!
Может, чем ее обидел,
Что ни разу я не видел,
В доме нашем я не видел,
Кроме мамы, никого!

КАМУШЕК-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Шли по дороге. Полина сказала:
– Ой, мне что-то в ботинок попало!
Остановились, и дочь из ботинка
Маленький камушек тут же достала.
– Мама, скажи, ну разве не чудо!
Камень в ботинке – как и откуда?!
Мама задумалась над происшествием:
– Так камень отправился в путешествие!
Ему надоело лежать на том месте,
Где ему все так привычно, известно.
Вот и запрыгнул к тебе он в ботинок,
Чтобы с тобою пройти сто тропинок.
Оставила Поля его во дворе,
Чтоб слушал он пение птиц на заре
И любовался на клумбе цветами,
Плывущими мимо над ним облаками.
Лежал он до этого у дорог,
Видал лишь машины и множество ног.
И все на него в сапогах наступали,
В пыли и грязи постоянно топтали.
Он славно работал, он славно трудился.
И отпуск сейчас у него получился.
Теперь он на клумбе лежит, загорает,
От шума и пыли в тиши отдыхает.

СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ

Колонка доходов выглядит так:
У папы – зарплата, у мамы – синяк,
У дочери старшенькой – пять за диктант,
У младшей – под ванною найденный бант.
У старшего сына – заноза в руке,
У младшего – ссадина на ноге
И пара сколупнутых кошкой корост.
У кошки же стресс от тасканья за хвост.
У попугайчика шок от того,
Что дети надели кольцо на него.
Вот так вот активно растет круглый год
Наш позитивный семейный доход.
Колонка расходов гораздо глобальней:
Измазана левая шторина в спальне,
Конструктор рассыпан, разорван диван,
На стол пролит йод при лечении ран.
Рассыпан горшочек с цветком на окне,
Изображен авангард на стене.
Расплавлен в духовке детский поильник,
Изъят из кладовки и спрятан напильник.
Измазан в банане и каше весь шкаф,
Завязан узлом мамин шелковый шарф.
Слона в потасовке лишили пол-уха,
В квартире, как после бомбежки, разруха.
Еще 740 рублей на продукты,
Орехи, подгузники, овощи, фрукты.
150 на конфеты с печеньем,
560 на развлечения.

Ну, где тот бухгалтер, что сможет за час
Для нас подсчитать наш семейный баланс?
К тому же напильник пока не найдется,
Этот баланс ну никак не сойдется!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
--------------------------	---

В прозе	4
--------------------------	----------

Андрей Чуднов

Тайна (литературная догадка)	5
--	---

Ирина Матлыгина

Андрейкино лето	25
---------------------------	----

Анатолий Корпачев

А Дом ушел гулять	48
-----------------------------	----

История о братьях – роднике и ручейке, мужественной крапиве, коварном вьюнке и добром человеке	53
---	----

Семечко – Росток – Дерево	57
-------------------------------------	----

В стихах	61
---------------------------	-----------

Марина Шапошникова

Вверх тормашками кармашки	62
-------------------------------------	----

Летний день	62
-----------------------	----

Паучок	63
------------------	----

Две лягушки	64
Где зимует лето?	65
Из ниоткуда	66
Метелица	66
Поглотитель конфет	67
Трам-баба-Бум	67
Спи, сыночек	68

Анна Прилепина

Папапоход	69
Почему у мамы мокрые карманы?	70
Мамная каша	71
Про приборку	72
Красота – страшная сила	73
Поиски компромисса	74
Сказка про сынулю-капризулю	75
Домашняя фея	78
Камушек-путешественник	79
Семейный бюджет	80

Были и небывлицы о детях и для детей

Лучшие творческие работы участников городского открытого
конкурса литературного творчества «Серая Шейка»
в номинации для взрослых

Составители: **Ю. В. Кистер, Л. Ю. Рыженкова**

Верстка: **В. А. Посный**

Дизайн обложки: **Т. Е. Гусельникова**

Ответственный за выпуск: **Н. П. Якимова**

МБУК «Центральная городская библиотека»
622034, г. Нижний Тагил, пр. Строителей, 1а
Телефон 8 (3435) 412-889
E-mail: cgb@tagilib.ru
www.tagilib.ru

Отпечатано в типографии «РЕПРИНТ»
622001, г. Нижний Тагил, ул. Ломоносова, 49
тел. (3435) 256-255, факс (3435) 256-447
e-mail: info@reprint.ru

